

W $\frac{396}{443}$

801-15
2535

96

801-86
3316-3

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕКЛАМАТОР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Надежды ОМЕЛЬЯНОВИЧ
и В. ПЯСТА

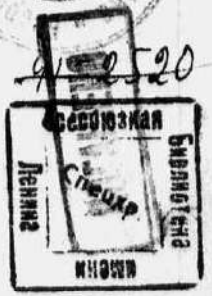

ЛМ-26339

«КНИГА»

Ленинград — Москва.

Обложка работы
А. А. УШИНА.

2011095307

Ленинградский Гублит № 11041. Зак. 299. Тир. 4.100—19 л.

Тип. газ. „Вестник Ленинградского Совета“, 2-я Советская, 7.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ.

Наш труд хотя и включает в значительных размерах драгоценный материал из поэтической сокровищницы России, при чем на довольно продолжительном протяжении (хронологически), — наш труд отнюдь не должен рассматриваться с историко-литературной стороны. С такой точки зрения он не может выдержать ни малейшей критики.

В первую голову мы предупреждаем, что нами принимались в расчет, как критерий, так и задачи чисто-декламационные. Вот почему нами не представлены в сборнике вовсе, или представлены очень скудно, творения поэтов самых крупнейших в смысле лирической глубины, поэтически-философского осознания жизни и других, не-казовых, сторон поэзии.

В то же время масса драгоценнейшего поэтического, и очень выгодного для произнесения, материала, также крупнейших наших поэтов, оставлена нами в стороне по совершенно другим соображениям. А именно — потому что он слишком известен и общедоступен. Конечно, сказав так, мы допустили преувеличение. К сожалению, даже творения Пушкина, строго говоря, общедоступными назвать нельзя. Но, при выборе из массы просящегося в сборник материала, чтобы не увеличить чрезмерно его объема, приходилось, между прочим, жертвовать такими

стихотворениями, которые, несмотря на все их совершенство, или именно благодаря ему, можно найти в любой, и не только декламационной, хрестоматии.

Кроме того, не следует забывать при оценке нашего труда, что мы имели в виду почти исключительно лирические произведения наших поэтов, допустив некоторое исключение лишь для лиро-эпических вещей малого размера. Методы произнесения такого рода произведений поэзии мало чем отличаются от лирической декламации. Тогда как для эпоса в чистом виде пригодны, строго говоря, совершенно отличные от „декламации“ методы произнесения, например: мелодический речитатив, варьирующий на протяжении длинейших отрывков какие-нибудь три музыкальные фразы, которые не стоят ни в какой зависимости от смысла исполняющейся вещи. Также мы не имели в виду и произнесения художественной прозы, ибо таковое тоже находится еще в более полном противоречии с законами эстетического воспроизведения стихотворных форм. Вот почему мы не привели ни одного отрывка художественной прозы, как бы классически-совершенен он ни был, как бы ни напрашивался он на помещение в произносительную хрестоматию.

Наконец, сборник наш назван „Современным“. Это значит, что он имеет в виду—модное теперь—слово актуальность. Главным образом, выбор наш сделан был из материала, действующего, или находящегося, так сказать, в обращении в данный исторический момент. Так, например, в наши дни широкое развитие получила хоровая, или коллективная, декламация. Поэтому мы выбрали множество вещей из ходового материала такой декламации, и немало неходовых, но могущих стать такими, произведений.

Вот почему и стихотворения, отражающие революцию и современность, представлены здесь достаточно богато. В первую голову имели мы в виду собственный наш декламационный материал, а также репертуар других артистов, особенно — принадлежащих к новейшей декламационной школе.

Термином „новейшая декламационная школа“ мы обозначаем такие тенденции в современной декламации, которые не противоречат проповедывавшимся и пропагандировавшимся нами, приблизительно с 1919 г., так-называемым законам декламации, и в первую голову

закону неприкосновенности звуковой формы.

Закон этот можно вкратке формулировать так. Требуется соблюдать:

1) Приблизительную изохронность (равенство во времени для произнесения) соответственных ритмически стихов, и простоту числовых соотношений между временами произнесения строк, одна другой метрически не соответствующих.

Пример:

Я видел, как вчера твои бежали волны;
Они, при ярком свете дня,
Играя и журча, летучим блеском полны.
Качали ласково меня.

(Языков).

Первая и третья строка должны быть произнесены здесь в равный промежуток времени; вторая и четвертая — в равное между собой, и меньшее, чем требующееся для произнесения нечетных строк, время—приблизительно в 1,5 раза.

Это не значит, что мы исключаем ускорение или замедление, как прием. И то и другое допустимо, но именно лишь как *accelerando* и *rallentando*, т.-е. как музыкально обоснованный прием декламации.

2) Ритмичность в чередѣ ударений.

Т.-е. стих Тютчева?

Как демоны глухонемые

произносить с полуударением не на „глух“, а на „хо“, потому что эта строка входит в стихотворение ямбическое, а не амфибрахического каданса.

Или не читать, подобно „историку“ (преподавателю истории в гимназии), А. Толстого-старшего так

Поют царю напрасно
Лихие гусяры,

а читать „гусяры“.

3) Приблизительное равенство пауз:

- а) В цезурах—между собой;
- б) После стихов—между собой;
- в) После полустрофий—между собой;
- г) После строф—между собой.

4) Некоторое, тактичное, выделение: мелодии гласных, аллитераций, звуковых повторов и рифм.

Пример:

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты...

(А. Блок).

На звуки „у“ здесь следует сделать известный упор.

Еще короче можно этот закон формулировать так: ритм, строка (стих), строфа, рифма—для соблюдающего закон неприкосновенности формы, для принадлежащего к новейшей школе декламации, суть, своего рода, „табу“.

Как ни суров этот закон, мы с удовольствием можем констатировать, что за последние пять лет число подчиняющихся ему, соблюдающих его, и, следовательно, произносящих стихи эстетически-грамотно, артистов—неуклонно растет. Думается нам даже—в геометрической, благодаря наличности и возникновению все новых и новых студий нашего искусства, прогрессии.

В конце нашего сборника есть отдел, названный нами „ритмо-пьесы“. Вещи эти по содержанию не могли быть отнесены ни в один из предыдущих отделов. Это не значит, что в предыдущих отделах не было огромного количества таких вещей, которые можно было бы отнести в этот отдел. Но, проработанный декламационно до конца, отдел этот как нельзя лучше приспособлен для того, чтобы утвердить в голове, чтобы ввести в плоть и кровь артиста—„аспиранта“ декламации—сознание необходимости соблюдения вышенамеченного закона.

Однако, пользоваться нашим „Современным Декламентом“, как пособием, при практическом изучении декламационного искусства следует, пожалуй, в порядке отделов том самом, в каком мы его расположили. По крайней мере, один из составителей в своей студийной практике предлагал учащимся сначала всегда именно те стихотворения, которые включены в первый отдел сборника—Голоса природы.

Во-первых, природа легче всего дает лирические отзвуки в каждом сердце. Во-вторых, приходится делать наименьшее количество усилий, пройти наименьшую школу, для того, чтобы уметь эстетически приемлемо дать в своем голосе отражение голосов природы. Стихи расположены нами в этом отделе в порядке постепенной трудности для передачи тембров этих природных голосов. Прежде всего идут вещи, которыми художники звуков изобразили звуки тихой воды: дождя, капли, гладких водных пространств, несотрясаемых ветром, ручейков и речек. Затем поднимаются звуки ветра, шум водопада, рев той же воды в непогоду и бурю, гром. Далее идут характерные для разных времен года звуки — и отзвуки их в поэзии: металл осеннего морозного дня, хруст и шелест ранней осени, посвист и шуршанье летних трав, разымчивая музыка весеннего половодья, мягкая радость оттепели, суровый лед звуков морозной зимы. Нашедший в тембрах своего — совершеннейшего из существующих в природе музыкального инструмента — человеческого голоса — в соответствии всем тембрам этих звуков ликующей природы будет сам разыскивать и с удовольствием изучать стихи, в которых отражены другие голоса природы. Например, горное эхо (пусть ищет у Пушкина, Лермонтова, Бальмонта, Бунина...), удары крыльев о скалы, шум деревьев, звериный шаг, голоса зверей и птиц, жужжание насекомых, и проч. и пр. Ему откроется целый новый мир художественных возможностей при трактовке разнообразных произведений красоты, мимо которых он проходил до тех пор равнодушно.

К этому отделу непосредственно примыкает отдел, озаглавленный нами Радость труда. Уже

в отделе „Голосов природы“ нами включены многие произведения наивысших, пролетарских, поэтов. Отдел „Радость труда“ заполнен почти исключительно такими. В нем: посвист кос, стук топоров, глухие удары кузнечного молота, пламя пышущего горна и т. д. Этот отдел является переходным — с одной стороны к голосам вещей: машин, колес и всего шума завода, этого рычага человеческого будущего; а также: тканей, материй, дерева и металла в обработанном человеком виде и т. д. и т. д.

Голоса души, поскольку в них проявляется индивидуальная душа, с ее эмоциями, часто весьма сложными, но с известной стороны всегда, так сказать, ординарными, т. е. не сплетающимися в тот сложный комплекс, клубок взаимоотношений, каким характеризуется эмоциональная сущность совместных коллективных переживаний, к этим „Голосам души“ можно приступить, после „природы“, и ранее, чем к остальным отделам сборника. Конечно, отдел этот у нас еще менее полон, чем отдел „Голосов природы“. По условиям места, мы должны были выбрать из необъятного количества человеческих эмоций лишь некоторые. Эмоция любви, „лирическая“ эмоция по преимуществу, нами показана лишь в очень ограниченных пределах. Выбраны именно типичные, показательные произведения, трактующие любовь в ее наиболее типичных формах и в сопутствующих ей переживаниях, в тех последствиях, которые эта эмоция влечет за собой (подобно тому, как в каждой болезни имеются сопутствующие явления, и характерные для этой болезни последствия). У нас мало „радости любви“, зато нами представлены: разочарование, тоска и, наконец, отчаяние. Дивное

стихотворение Вл. Соловьева помещено нами на рубеже между вещами, трактующими любовь в оттенках „интимности“ и романтики, и стихотворениями современных поэтов, которым не чужда любовь в смысле Эроса, но для которых любовь не самоцель. У этих поэтов крепнут другие мышцы души. Много простора остается для чувств товарищеских, человеческих. Любовь не является „пружиной“ их действий. Другим поворотным пунктом в этой теме любви является взятое нами для сборника стихотворение С. Малахова с его замечательным началом:

У моей любимой глаза оленя
И черная луком бровь;
А партия взглянет глазами Ленина,
И под откосом моя любовь.

Из других эмоций изучающий наш сборник найдет в нем: тоску (не любовную), чувство радости бытия и т. д. На грани неуловимого—сходны с мало изученной психологами, но хорошо известной поэтам, эмоцией „чувства вещей“, особенно дорогой моднейшему в наши дни из поэтов недавнего прошлого—Иннокентию Анненскому, на грани вот этого неуловимого находится quasi „Баллада“ Вл. Ходасевича.

„Голоса души“ готовят к другим отделам нашего сборника. Эти отделы идут, в постепенном усложнении, от индивидуального к социальному. Чувство Родины еще не предполагает в переживающем его мощных возможностей к чувствованиям коллективным в точном смысле этого слова. Родину может любить и индивидуалист по своим устремлениям и взглядам.

Другое дело—голоса деревни. Хотя под этим именем нами собран разный материал, отчасти относящийся и к области фольклора, быта, отчасти же затрагивающий и политические мотивы,—он уже выходит за пределы, он уже лежит вне сферы узкого индивидуализма. Недаром, русской деревне издавна был дорог „мирской“, „общественный“ уклад. Уместно будет упомянуть, что старинной, т. е. дореволюционной, крестьянской лирики, произведений Кольцова, Никитина, Сурикова, Дрожжина и их последователей, в нашем сборнике нет. Ими переполнены известные „Декламаторы“ прежних времен, напр.,—П. Я. (Л. Мельшина), Бонч-Бруевича и др. Слишком известны также превосходные произведения некрестьянских поэтов прежних времен из крестьянской жизни. Вот почему у нас отсутствуют, за исключением одного отрывка, стихи Н. А. Некрасова; классические вещи Л. А. Мея, относящиеся к деревне; „Люблю отчизну я, но странною любовью“ М. Ю. Лермонтова и т. д.

От деревни—переход к голосам города. Здесь мы находились перед необъятным материалом. Из различных мотивов „урбанизма“ нам пришлось ограничиться в сборнике лишь немногими, да и из этих выбрать лишь наиболее характерные произведения, по одному на каждый мотив.

Мы оставили в стороне почти весь огромный превосходный переводный материал, мы не дали никакого представления об исключительно любимой современными поэтами теме „Старого Петербурга“, мы вообще избегали стихов, посвященных какому-нибудь определенному городу;—по тем же причинам в отделе „Сатира и юмор“ мы не поместили почти ничего из превосходных стихотворений „на

злобу дня“, которыми переполнены многочисленные пересмотренные нами за период работы журналы. В хрестоматии, особенно декламационной, придется жертвовать всеми частностями в пользу общего. „Декламатор“ составляется в расчете на пригодность его для всех и каждого, кто пожелает себя посвятить произносительному искусству. А этому последнему надо находиться в постоянной связи со своей аудиторией. Но что скажет жителю Елисаветграда, никогда не бывавшему в северной столице, любовное описание каких-нибудь карнатид или мраморных ступеней на Миллионной?—Во всяком случае, меньше, чем скажет ему крупными общими штрихами зарисованная картина буйно-лихорадочной жизни современного города с большой буквы, города вообще. В этом отделе есть у нас стихи и совсем неизвестных, начинающих поэтов, сынов и дочерей т.-н. подонков старого города, безыменных строителей города будущего.

Эти последние стихи составляют, вместе с представленной нами довольно богато лирикой завода и фабрики (мы жалеем, что не могли, по недостатку места, показать достаточным количеством представителей этот „актуальный“ отдел нашего сборника, некоторыми сторонами примыкающий, мимо предшествовавших ему отделов, непосредственно к отделу Радость труда), переход к обширному нашему отделу, носящему заголовок „Голоса восстаний“.

Голоса восстаний подразделены нами на „невольничьи“, „призывы“, „гимны и марши“, „шаг революций“, „подвиги“. Некоторые из этих подотделов, напр., гимны и марши, выделяются, так сказать, органически; подразделение на другие произведено

иногда в целях просто удобства справок. В отдел „Шаг революций“ нами включены 4—5 поэм, выбранных по возможности таким образом, чтобы произведениями этими можно было бы отобразить революцию в о б щ е. Отчасти по этой причине, отчасти же по очень большой популярности этой вещи, мы, оберегая дорогое нам место, не поместили знаменитых „Двенадцати“ А. Блока. Последняя поэма могла бы найти себе место, впрочем, также и в следующем нашем отделе, „Голоса истории“, т. к. она всецело относится к исторической, этой именно определенной, Октябрьской революции. Первый подотдел, „Невольничьи“, конечно, мог бы быть представлен значительно богаче. Нам пришлось пожертвовать всей бесчисленной гражданской дореволюционной лирикой, всеми произведениями из крепостной эпохи, и т. д., в силу—надеемся, теперь уже ясных для читателя—причин. Нам пришлось сузить и свой выбор „Гимнов и маршей“, оставив наиболее интересные, как музыкально-ритмический материал.

Голоса истории, конечно, не могут быть названы полным отражением исторических эпох, хотя-бы России. Что же касается не-русской истории, то, по недостатку места, нам пришлось обойти ее полным молчанием, хотя в лирике крупных русских поэтов, не говоря уже о переводной, имеются исключительные перлы, отражающие исторические события и периоды в жизни всего мира. Все-таки, мы расположили выбранные нами стихи в хронологическом порядке, вовсе не соответствующем порядку трудности для воспроизведения их декламационно, — причем естественным рубежом, разбившим Голоса истории на два подотдела, явился, конечно, 1917 год.

Далее следует отдел, озаглавленный нами „Сатира и юмор“. Мы чувствуем, что это — Ахиллеова пята нашего сборника. Носит этот отдел в целом характер случайный. В нем, кроме того, какой-то внутренней разнობой. Мы отчасти уже, говоря о „Голосах города“, коснулись причин трудности составления подобного отдела. Не надо забывать, что ни в одной декламационной хрестоматии он не представлен достаточно полно. Очевидно, существуют трудно-преодолимые причины для этого. Конечно, мы не хотели повторять встречавшихся в прежних декламационных сборниках юмористических безделушек наших старых поэтов, из которых в свою очередь, ведь ни один, за исключением мифического Кузьмы Пруткова, не посвятил себя исключительно этим родам поэзии. Если индивидуально поэт не придает значения в своем творчестве таким стихам, которым место в этом отделе, очевидно, что и коллективно поэзия данного народа в целом тоже не даст адекватного другим видам поэзии собрания юмористических и сатирических стихотворений.

Отчасти для пополнения этого отдела представлен нами довольно богато примыкающий к нему отдел частушек, этих народных творений сатиры и юмора. Мы, конечно, отдавали предпочтение частушке после-революционной, но, в виду отсутствия в прочих декламационных сборниках подобного отдела, допустили в своем наиболее удачные частушки, отражающие и дореволюционный народный уклад. „Эстрадику“ все более и более часто приходится встречаться с нуждой в хороших частушках, ибо этот род творчества особенно понятен, особенно хорошо принимается любой аудиторией.

Отдел Ритмо-пьесы, помимо того, что представляет сборник великолепных упражнений для выработки чувства ритма у декламатора, — может принести немалую пользу также и для изучающего русскую метрику, ибо в этом отделе нами собраны любопытные — неизменно из числа художественных — вариации классической просодии, впрочем, лишь намечающие просторы бесконечных возможностей русского стиха в этих направлениях.

Упомянем вскользь, что нами произведена была для нашего сборника немалая подготовительная работа. Мы пересмотрели все журналы и многие газеты последних годов, не говоря о сборниках отдельных поэтов и хрестоматиях. Кроме того, мы с удовольствием можем сообщить, что к призыву нашему дать для декламационного сборника свои наиболее пригодные для этого стихи — многие поэты не остались глухи и некоторые из них любезно прислали даже ненапечатанный материал. В нашем сборнике можно найти небывшие в печати стихи М. Волошина, С. Заяицкого и некоторых др. Выражая благодарность им и остальным приславшим свои произведения для сборника поэтам, мы должны вместе с тем выразить и сожаление, что огромное большинство их стихотворений, не обладая нужным нам „декламационными“ элементами, не могло попасть в сборник. Немудрено, впрочем, что поэты в большинстве излюбили из своих вещей, из своих детей, не эффектные произведения, не красавцев по наружности, а тихие, серьезные, незаметные на взгляд, но глубоко затрагивающие интимные стороны личности стихотворения.

В заключение укажем на неиспользованные нами колоссальные залежи высоко-художественного материала у русских поэтов. Кроме представляемых нами в сборнике, еще очень и очень многие другие поэты могут дать достаточный декламационный материал при внимательном углублении в их творчество.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ГОЛОСА ПРИРОДЫ

Бальмонт.

ДОЖДЬ.

В углу шуршали мыши,
Весь дом застыл во сне,
Шел дождь, и капли с крыши
Стекали по стене.

Шел дождь, ленивый, вялый,
И маятник стучал,
И я душой усталой
Себя не различал.

Я слился с этой сонной,
Тяжелой тишиной,
Забывший, обделенный,
Я весь был тьмой ночной.

А бодрый, как могильщик,
Во мне тревожа мрак,
В стене жучок-точильщик
Твердил—тик-так, тик-так.

Равняя звуки точкам,
Началу всех начал,
Он тонким молоточком,
Стучал, стучал, стучал.

И атомы напева,
Сплетаясь в тишине,
Спокойно и без гнева
„Умри“—твердили мне.

И мертвый, бездыханный,
Как труп задутых свеч,
Я слушал в скорби странной
Вещательную речь.

И тише, кто-то тише
Шептался обо мне,
И капли с темной крыши
Стекали по стене.

Ив. Коневский.

ТИХИЙ ДОЖДЬ.

О, дождь, о, чистая небесная вода,
Тебе сотку я песнь из серебристых нитей!
Грустна твоя душа, грустна и молода;
Теченья твоего безсменна череда,
И сходишь на меня ты, как роса наитий.
Из лона влажного владых облаков
Ты истекаешь вдруг, столь преданно-свободный;
И устремишь струи на вышины лесков,
С любовью вспоишь головки тростников,
И тронется тобой кора земли безводной.
В свежительном тепле туманистой весны
Ты чуткий промысл о растущем тайно жите.
Тебе лишь и в земле томленья трав слышны.
О, чистая вода небесной вышины,
Тебе сотку я песнь из серебристых нитей...

Василий Каменский.

* * *

Звенит и смеется,
солнится, весело льется,
дикий лесной журчеек,
своевольный мальчишка—

Чурлю-Журль.
Да,—Чурлю-Журль.

Звенит и смеется
и эхо живое несется,
глубоко в зеленой тиши
корнистой глуши:

Чурлю-Журль...
Чурлю-Журль...

Звенит и смеется:
отчего же никто не проснется
и не побежит со мной?
далеко, далеко. Вот далеко!

Чурлю-Журль...
Чурлю-Журль...

Звенит и смеется.
Песню несет свою. Льется.
И не видит: лесная цветинка
низко нагнулась над ним...
И не слышит ее лепет белый
о любви молчаливой, несмелой:

„Чурлю-Журль...
А? Чурлю-Журль?..“

Н. М. Языков.

ВОДОПАД.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут через крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Вон пловец. Его от берега
Быстриною унесло;
В синий сумрак водобега
Упирает он весло...
Тщетно! Бурную стремнину
Он не силен оттолкнуть;
Далеко его в пучину
Бросит каменная круть.

Мирно, гибели послушный,
Убрал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безмятежное чело;
Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал
Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут через крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Ив. Коневской.

ИМАТРА.

Ликующие волны-звери,
Белоголовые зубры,
Хвала стремящей вашей вере,
Надежде дерзостной игры!
В пустынях гама несвободных,
Где с пыли высохла гортань,
Толпе скитальцев сумасбродных,
Тоске, унынью нес я дань.

И в бор пушистый, в бор корнистый
Меня привел младенец-бог.
И там распелся голосистый
Широкопенистый порог.

Я был спокойный и согбенный,
И обуял меня испуг.
Я окроплен святою пеной,
И гулом захлебнулся дух.

К. Бальмонт.

В Е Т Е Р.

Ветер, ветер, ветер, ветер,
Что ты в ветках все шумишь?
Вольный ветер, ветер, ветер,
Пред тобой дрожит камыш.
Ветер, ветер, ветер, ветер,
Что ты душу мне томишь?

Ты вздыхаешь, полусонный,
И спешишь скорей заснуть;
Чуть уснул, и пробужденный
Ты готов опять вспорхнуть.
Стои! Куда, неугомонный?—
Вечно прямо, снова в путь...

Все места тебе знакомы,
Ты воздушно шелестишь;
Входишь рябью в водоемы,
Шаткой травкою блестишь.
Носишь тучи, манишь громы —
И опять уходишь в тишь.

О, неверный, ветер, ветер, —
Ты не помнишь ничего!
Дай и мне забвенья, ветер,
Дай стремленья твоего!
Ветер, ветер, ветер, ветер,
Ты прекраснее всего!

Вячеслав Иванов.

ТРАМОНТАНА.

Если влажный воздух густ
Над поморием счастливым,
Над ленивым, горделивым, —
Дхну я буйным острым хладом
Из теснинных гулких уст;
Я низвергнусь по оливам
Светлосклонным водопадом,
Синеву неся заливам,
Расчищая небеса;
Взвею веяньем гульливим
Над простором волн измятым;
Всклочу зыбь руном мохнатым, —
Пойте, сосен голоса
По утесам оснеженным
Над полуднем остуженным! —
Накренайтесь, паруса.

Перси Биши Шелли.

ПОБЕГ.

В шумящем просторе запенилось море, и буря трепещет, и молния блещет...

Бежим!

И гром нарастает, и гром пропадает, как будто он тонет, — и тонет и стонет...

Спешим!

Земля точно море: в движеньи и в споре всё мечется, бродит, от бури уходит —

Летим!

„Мир безбрежный далек, одинок наш челнок, не смутит нас ничто, не догонит никто“, —

Он сказал...

А она: „Поспешай, на весло налегай, поскорей, поскорей!“ Между темных зыбей

Ветер встал.

Чья-то тень на скале; загорелся во мгле пушки огненный свет, выстрел глух, и в ответ —

Грянул вал!

„Мы с бурей поспорим, мы бег свой ускорим, ты видишь — одни мы, никем не гонимы —

„Только я и ты“...

Четою согласной, прекрасной и страстной, они уплывают, весь мир забывают

Шепчут им мечты;

А волны — как горы, возносят узоры, и рвутся и
мчатся, и к небу стремятся,—

Жаждают высоты!

Недвижным виденьем, об'ятый смущеньем, у крепо-
сти мрачной, склонясь новобрачный

Сидит;

А в башне высокой, как дух одинокий, отец раз-
яренный, грозой окруженный,

Глядит;

Седины склоняет и дочь проклиная, и с ветром он
спорит, а гром ему вторит—

Гудит!

Перевел К. Бальмонт.

Н. Клюев.

К ВЕСНЕ ПОШЛО.

Зима изгрызла бок у стога,
Вспорола скирды, но едомёк
Буренке пегая дорога
И грай нахохленных сорок.

Сороки хохлятся—к капели,
Дорога пегая—быть теплу.
Как лещ наживку, ловят ели
Луча янтарную иглу.

И луч бежит в переполохе,
Ныряет в хвой, в зыбь ветвей...
По вечерам—коровьи вздохи
Спотворней бабкиных речей.

„К весне пошло, на речке глыбко,
Буренка чует водополь“...

Изба дремлива, словно зыбка,
Где смолкли горести и боль.

Лишь в поставце, как скряга злато,
Теленье числа и удой,

Подойник с кринкою щербатой
Тревожит сумрак избяной.

С. Обрадович.

ТКАЧИХА.

С утра, румяная спросонок,
Весна-ткачиха—у села.
Малиновыми перезвонами
Звенит лучистая игла.

И бор над сброшенной сермягой,
И степь за лентою речной
Зазеленели тканью яркой
Под жаркою ее рукой.

Прошла с громовыми раскатами
И, рассмеявшись ручейком,
Светло-голубеньким цветком
Осыпала овраг лохматый.

А в полосатый ситец поля,
На бурую кайму межи
Вплела узором колокольчики
И васильки в полоску ржи.

И к нам во двор: под хрип мотора,
В углу, где рос чертополох,
Гниль мусора и копоть города
Вдруг одуванчиком прожгло...

Потом ушла, такая тихая.
Лишь прошуршала пыль дорог,
Да ниже пала повилика
Под зноем загорелых ног...

Василий Казин.

* * *

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе—
И отговаривается гром—
И в воздухе, и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкой другую стружку.

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж—
Обрезков голубого цинка!

Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком,
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам!

Н. Власов-Окский.

КУСТЫ.

Бурлак бурлит как буравом
Хрусталь реки, хрустя веслом,
И позади его челна
Танцует звонкая волна.
Вверху торчат горбы горы.
У ног горы горят ковры
Огнем рубиновых цветов,
И—серп серебристый—на лугу
Согнулось озеро в дугу,
И внемлет шопотам кустов.

Бурлак бурлит как буравом
Хрусталь сверкающий веслом.
Размах весла—размах мечты.
Вдали плоты мостят мосты.
Бурлак отстал кустов настричь
И вот спешит плоты настичь,
А позади, где ивняком
Песок унизан, как расшит,—
В печали девушка стоит
И машет розовым платком.

Василий Каменский.

* * *

Жить чудесно! Подумай:
утром рано с песнями
тебя разбудят птицы—
о, не жалея недовиденного сна!—
и вытащат взглянуть
на розовое, солнечное утро.
Радуйся. Оно—для тебя.

Свежими глазами
 взгляни на луг, взгляни...
 Огни. Блестят огни.
 Как радужно! Легко!
 Туманом розовым
 вздохни. Еще вздохни,
 взгляни на кроткие слезинки
 детей—цветов.
 Ты эти слезы назови:
 росинки-радостинки.
 И улыбнись им ясным
 утренним приветом.
 Радуйся. Они—для тебя!
 Жить чудесно. Подумай:
 в жаркий полдень
 тебя позовут гостить
 лесные тени.
 На добрые протянутые
 чернолапы садись и обними
 шершавый ствол, как мать.
 Пить захочешь—
 тут журчеек чурлит:
 ты только наклонись.
 Радуйся. Он—для тебя!

К. Бальмонт.

АВГУСТ.

Как ясен Август, нежный и спокойный,
 Сознавший мимолетность красоты;
 Позолотив древесные листья,
 Он чувства заключил в порядок стройный.

В нем кажется ошибкой полдень знойный,—
 С ним больше сродны грустные мечты,
 Прохлада, прелесть тихой простоты
 И отдыха от жизни беспокойной.

В последний раз, пред острием серпа,
 Красуются колосья наливные.
 Взамен цветов везде плоды земные.

Отраден вид тяжелого снопа.
 А в небе журавлей летит толпа,
 И криком шлет „прости“ в места родные.

П. Соловьева.

В ОСЕННЕМ САДУ.

Тишина золотовейная в осеннем саду,
 Только слышно, как колотят белье на пруду,
 Да как падает где-то яблоко звуком тугим,
 Да как шепчется чье-то сердце тихо с сердцем моим.

Н. Некрасов.

Из поэмы „МОРОЗ КРАСНЫЙ НОС“.

Не ветер бушует над бором,
 Не с гор побежали ручьи,—
 Мороз-воевода дозором
 Обходит владенья свои.

Глядит—хорошо ли метели
 Лесные тропы занесли,
 И нет ли где трещины, щели,
 И нет ли где голой земли.

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах.
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах.

Идет—по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

А. Безыменский.

Л Ы Ж И.

Как этот ветер суетлив...
Ну, что за мешкотность такая!

Бегу на лыжах, спотыкаясь,
От напряженья еле жив.

Простор. Поля. К природе ближе.
Норвежец я. Быстрее... Гоп!
Но я колдобины не вижу,
И неподатливые лыжи
Норвежца брякнули в сугроб.

Лицо и сердце пышут кровью.
Смеюсь! барахтаюсь, встаю.
Чуть грудь не вычихнул свою.
А ветер гаркнул:—На здоровье!

Бегу веселый и счастливый—
Скрипи, владимирский сапог.

И только ветер суетливый
Неловко возится у ног.

И я неловок. Но недаром
Взрожденному в борьбе станком
Привычнее по тротуарам
Бежать по вызову в Райком!

Эх, помнится, как я со смехом
В гурьбе ребят, под гул гудка,
Бежал в Райком, чтобы поехать
На адмирала Колчака.

Мне не забыть об этом беге!
Мелькали мимо той гурьбы
Дома и люди, и телеги,
Как мимо поезда столбы.

Неведома тому усталость,
Кто в порох мира—головня...
Таковыми были и остались.
Мы до сегодняшнего дня...

Простор... Поля... Фронтов не вижу.
Покорный ветер льнет к ногам...
Эх, сыну бы простор и лыжи,
Как нам подсумок и наган!

Э-гей, ветрина непутевый!
Ты знаешь, кто бы нам помог...
Дорогой торной и суровой
Скрипит владимирский сапог.

А я на сердце клятву выжег,
Что сын мой вместе с ветерком,
Сумеет так бежать на лыжах,
Как я когда-то,
В Райком.

А. Фет.

* * *

Истрепались сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами;
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
Все сорвать хочет ветер, все смыть хочет ливень
ручьями.

Никого! Ничего! Даже сна нет в постели холодной,—
Только маятник грубо-насмешливо меряет время...
Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!
Или—тянет к земле роковое, тяжелое бремя?

О, войди ж в этот мрак, улыбнись, благосклонная
фея,
И всю жизнь в этот миг я солью, этим мигом измерю,
И речей благовонных созвучием слух возлелея,
Не признаю часов и рыданьям ночным не поверю.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
РАДОСТЬ ТРУДА

Иван Доронин.

(Комсомольский поэт).

РАДОСТЬ ТРУДА.

По гречихам,
По кудрявым,
По кудрявым,
Загорелым,
Пролетел трамвай зеленокрылый..
Пролетел
И скрылся за овсами,
За овсами,
Опьяневшими от солнца.

*

Ну, и солнце!
Вот так солнце!
Так и дует,
Так и хлещет,
Так и пялится в зенит!

*

Золотое море дышит,
Золотое море ленится,
Звенит.

*

Слышу,
Трактор на пару
Разбивает впопыхах
Чернозема пену.

*

Эх,
В такую-то жару
Я намедни на лугах
Растрясала сено!

*

А когда мотор с трубы
Сбросил покрывало,
Я под небом голубым
В озере купалась.

*

Золотое море дышит,
Дышит,
Рвется,
Рвется,
Дышит,
Мечется из края в край.
Вот и вот —
Из берегов
На долину хлынет.

*

А вязанка,
А вязанка,
Белокрылою гусыней
На волнах играет.

*

Руки крепки,
Руки цепки,
Косы в синих васильках...
Ой, никак,
Ой, никак
Я не выпью синь-лазури.

*

В сердце буря,
В сердце буря.

*

Сердце радостью гудит...
Вынуть сердце из груди,
Вынуть бы,
Вскинуть бы,
Чтобы сердце в небесах
Синью захлебнулось.

*

Тяжелы снопы,
Упруги,
Ох,
И жгучи!

*

Кровь кипит,
Лицо пылает,
Душа бездонно-глубока.

*

Мнится:
Около — река.
За рекой мои подруги
Лен серебряный берут.

*

Скоро,
Скоро,
Бор пугливый
Задрожит,
Разбуженный гудком.
И меня
У листовлажной ивы
Встретит милый,
Мой любимый, милый.

*~

Знойный день.
Малиновым платком
Запахнусь
Под вечер у аллеи —
Я сегодня
Девушка полей,
Завтра буду
Девушка ткачиха.

*

Вон,
Опять,
Опять по бронзовым гречихам
Пролетел
Трамвай зеленокрылый.
Пролетел
И скрылся за овсами,
За овсами,
Опьяневшими от солнца.

Вас. Курганов.

ХЛЕБ.

Хлеб. Хлеб. Спелые зерна,
Спелые зерна. Пыль, пыль...
Тупо цепи по толоке торной
Тупай, цепи по снопам задорно,
Пыль поднимай, цепи!

Топот по гумнам. Солома—янтарь;
В гомоне шумном ударь да ударь!
Крепче руками держи рукоять.
Кто там сбивается? Эй! Не стойте!
Иль на току мы все—не одно?
Пыль к потолку, на пол зерно!

Хлеб. Хлеб. Хлеб. Хлеб...
Кружится пыль. Крутится цеп.
Празднично солнце горит на зерне.
Празднично-ярка рубаха на мне!
Гремит музыкант наш—сияющий труд,
И в такт по снопам молотильщики бьют...

Мы вместе весной выходили пахать,
Мы сеяли зерна все вместе опять,
Следим за посевом и осени ждем,
Ростки поднимаются с каждым дождем.
Звенят перепелки напев до утра.
Звенят до утра: „Спать пора, спать пора“.

А в полдень поля погружаются в сон,
Лениво над ними плывет махаон...
И вот налилась, нарумнилась рожь,
— Ну будет, гляди, умолот-то хорош!..
На поле! На поле, народ, выезжай.
Нас ждет урожай. Золотой урожай.

Василий Казин.

РУБАНОК.

Живей, рубанок, шибче шаркай,
 Шушукай, пой за верстаком,
 Чеси тесину сталью жаркой,
 Стальным и жарким гребешком.

Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол,
 Вы, кудри русые, с доски.
 Ах, вас не мед ли где закапал:
 Как вы душисты, как сладки!

О, помнишь ли, рубанок, с нами
 Она прощалася спеша,
 Потряхивая ^{тряхивая} кудрями
 И ^{тихо} пьинно стружками шурша?

Я в то мгновенье острой мукой
 Глубоко сердце занозил,
 И после тихою разлукой
 Тебя глубоко запылал.

И вот сегодня ^{дан} шум свиданья—
 И ты, кудрявась второпях,
 Взвиваешь ^{возвн} теплые воспоминанья
 О тех возлюбленных кудрях.

Живей, рубанок, шибче шаркай,
 Шушукай, пой за верстаком,
 Чеси тесину сталью жаркой,
 Стальным и жарким гребешком.

К. Бальмонт.

КУЗНЕЦ.

Ты видала кузнеца?
 Он мне нравится, мой друг.
 Этот темный цвет лица,
 Эта меткость жестких рук,
 Эта близость от огня,
 Этот молот, этот стук,—
 Все в нем радует меня,
 Милый друг.

Я хочу быть кузнецом,
 Я, работая, пою.
 С заплывшимся лицом
 Я смотрю на жизнь мою.
 Возле дыма и огня
 Много слов я создаю.
 В этом радость для меня,—
 Я кую.

В. Александровский.

КУЗНЕЦ.

Искры, точно золото,
 Брызжут из-под молота,
 В горне вихрь поет.
 Нет в руках усталости,—
 Нет к железу жалости,—

Бьет.

Молодость мятежится,
Сердце счастьем нежится,
Брагу жизни пьет,
Звеньев лягг взвывается,
Это разбивается

Гнет.

Взгляд горит решимостью,
Злой неутомимостью,
Сам себя он жжет.
Руки молот стиснули,—
Руки взмахом свистнули,

Бьет.

Дмитрий Четвериков.

ДРОВОСЕКИ.

Звонко пели, напевали топоры,
Не молчали, отвечали комары.
По кедровнику шел ровненько разрез,—
Дровосеки три просеки через лес.
По кедровнику шел ровненько топор,—
Дровосеки три просеки через бор.

Стук в сук,
Сто рук
Брыжжут щепы,
Рубят скрепы

Враз.

Жила к жиле положили лес сырой.
Дерева-то—в два обхвата. Только строй!
Те ли силы? Пели пилы—поперек.
Пролегли в хрусте галек сто дорог.

Эй, свай
Подавай!
Оси вкось
Сунь и брось

Враз.

Ложим ровно срубом бревна паз на паз.
Оком бросим—окон восемь, восемь глаз.
По карнизу сверху книзу резь-резьба,
Крепки срубы, круглы трубы—вот изба!

В тес гвоздь,
В избу гость.
Лавки гладки,
Шаньги сладки—

Ешь.

В путь-дорогу! Стройки много вдоль земли.
Дотесали. Разом встали — и пошли.

Хилый мост.
Пилы в холст.
Вдали, вдали!
Зашагали

Все.

Василий Казин.

КАК Я СТРОИЛ ДОМ.

Мне ведь снилась каждая тесина,
С каждой планкой был я заодно;
Бережней, нежней чем сына
Клал я каждое бревно.

Эх, да что там говорить про бревна—
Лишний сук я тронуть избегал,
Потому, что знал я, знал я кровно,
Что не сук, а родинку срубал!

Лишь могла бы потная рубаха
Рассказать про мой рабочий дар,
Как, срубая, радугами размаха
Улыбался мой удар.

Как, срубая, пьяным полыханьем
На дыханье смольное дышал,
Как дыхание с дыханьем
Я взволнованный мешал.—

Я дрожал, от счастья задыхался,
Как мой домик крепнул день за днем,
Как мой дом в плечах приподымался,
Как мужал мой новый дом.

И следил, следил ревнивым глазом,
Как сквозь окна брезжил чудный ум,
Брезжил чудный человеческий разум,
Чудное брожение вечных дум.—

Андрей Белый.

* * *

На дворе с недавних пор
В услуженьи ты у прачки.
День-деньской свожу на двор
Кирпичи для стройки в тачке.

День-деньской колю дрова,
Розогнав тревогу,—
Все мудреные слова
Позабыл, ей-богу.

От зари до поздних рос
Труд мой легкий и налажен.
Вот согнулся я — и тес
Под рубанком срезан, сглажен.

Вдоль бревна скользит рубанок,
Завивая стружки.
Там в окне я из-за банок
Вижу взгляд подружки.

Ты как свет, как жизнь мила
В дни, когда цветут березки...
С легким присвистом пила,
Накалясь, вопьется в доски.

Растяжелым утюгом
Ты под вечер гладишь...
Жарким, тихим вечерком
Песенку наладишь,

Подхватчу. Так четко бьет
Молоток мой по стамеске,—
То взлетит, то упадет
Проблистав в вечернем блеске.

Песнь моя вольней звучит.
Выйдешь. Станешь окол:—
Ослепительно горит
Красный глянец стекла.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ГОЛОСА ДУШИ

А. Крайский.

МЫ ОДНО.

Я и ты! Громче, сердце, стучи!
Пусть два слова сольются в одно!
В наше сердце — глубокое дно —
Вольной воли запали ключи.

Капля к капле — шумит водопад;
Камень к камню — сверкает дворец;
Сердце к сердцу — и брызнет свинец,
Загудит, загрохочет набат.

Звонкий звук в золотое звено
Сердце с сердцем навеки сольет...
Вот он — слышите — слышите? бьет: —
Мы — одно; мы — одно; мы — одно.

Владислав Ходасевич.

К ПСИХЕЕ.

Душа! Любовь моя. Ты дышишь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкие колышешь
В такой лазури, что порой

Вдруг, не стерпя счастливой муки,
 Лелея наш святой союз—
 Я сам себе целую руки,
 Сам на себя не нагляжусь.

И как мне не любить себя,
 Сосуд непрочный, некрасивый,
 Но драгоценный и счастливый
 Тем, что вмещает он — тебя?

М. Голодный.

РАЗГОВОР СО СТАНКОМ.

Эх, станок, полюбил не на шутку я...
 Разве можно ее не любить?
 Называют ее проституткою...
 Как же быть?..

Как же быть,
 Если очи ее темнокарие,
 С ясной звездочкой вместо зрачка,
 Заставляют меня, пролетария,
 К ней привыкать?

Каждый день, как знакомой сторонкою
 Прибреду домой,
 Я любимую, как ребенка,
 Раскачиваю над головой.

Лягу я. А она наклонится,
 Полоснет из очей...
 Эх, станок. Ты лучше любовницы,
 Но она — горячей.

Я люблю ее, грустную, смелую,
 Неземных страстей комок.
 Знаешь, что,
 Мы ее переделаем?..
 Ладно, станок?

В. Маяковский.

Из книги „ФЛЕЙТА ПОЗВОНОЧНИК“.

Версты улиц взмахами шагов мну.
 Куда уйду я, этот ад тая?
 Какому небесному Гофману
 выдумалась ты, проклятая?
 Бурей веселья улицы узки.
 Праздник нарядных черпал и черпал.
 Думаю.
 Мысли, крови сгустки,
 Больные и запекшиеся лезут из черепа.

Мне,
 чудотворцу всего, что празднично,
 самому на праздник выйти не с кем.
 Возьму сейчас и грохнусь навзничь
 и голову выможжу каменным Невским.

Вот я богохулил.
 Орал, что бога нет;
 а бог такую из пекловых глубин,
 что перед ней гора заволнуется и дрогнет,
 вывел и велел:
 люби!

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда я денусь, этот ад тая?
Какому небесному Гофману
выдумалась ты проклятая?

Вячеслав Иванов.

ЗМЕЯ.

Дохну ль в зазывную свирель,
Где полонен мой чарый хмель.—
 Как ты, моя змея,
Затворница моих ночей,
Во мгле затеплив двух очей.
 Двух зрящих острия,
Виясь, ползешь ко мне на грудь—
Из уст в уста передохнуть
 Свой яд бесовств и порч;
Четою скользких медяниц
Сплелись мы в купине зарниц,
 Склубились в кольцах корч.
Не сокол бьется в злых уздах,
Не буйный конь на удилах
 Зубами пенит кипь:
То змия ярого, змея,
Твои вздымают острия
 Твоя безумит зыбь...
Потускла ярь; костер потух;
В пещерах смутных ловит слух
 Полночных волн прибой,
Ток звездный на земную мель.—
И с ним поет мой чарый хмель,
 Развязанный тобой.

Сергей Нельдихен.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

Безбожник, церкви враг, развратник старый,
Преступник, поднялся на эшафот.
Замолкнул гул у городских ворот
Под колокола редкие удары.
И встал судья на желтом возвышеньи
И об'явил:—Старик Альфред Дюфон
За многие грехи и преступленья
На казнь судом церковным осужден;
Но по законам я имею право
На приговор не налагать печать,
Когда преступника в мужа избрать
Захочет девушка благого нрава.—
Распятья девушки плотнее сжали,
Молчали все, и снова встал судья..
— Ох, погодите, я согласна, я.—
Горбунья—нищая в нарядной шали,
С пучком цветов, с душистой клюкой,
Заковыляла на помосте длинном.—
— Я девушка, я до сих пор невинна,
Я не грешила матери святой...—
При общем смехе горожан трусливых
Преступника спросил косою судья:
— А хочешь ты отдать себя в мужа
Вот этой женщине благочестивой?—
Преступник, церкви враг, развратник старый
Ответил твердо:—Нет, я не хочу,—
Приятней голову отдать мечу,
Чем после губ Марии, Жанны, Клары
Под старость целовать гнилые рты;

Вот вам последнее мое признание:
 Мне ненавистны церкви и посты,—
 Глупа их цель—от счастья воздержанье.
 И целомудрие твоё смешно,
 Горбунья глупо любящая бога!
 Плети сама свой свадебный венок
 И выбирай себе в мужа святого.—

М. А. Кузмин.

ЛЮБОВЬ ЭТОГО ЛЕТА.

Где слог найду, чтоб описать прогулку,
 Шабли во льду, поджаренную булку
 И вишен спелых сладостный агат?
 Далек закат и в море слышен гулко
 Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад.

Твой нежный взор, лукавый и манящий,—
 Как милый вздор комедии звенящий
 Иль Мариво капризное перо.
 Твой нос Пьерро и губ разрез пьянящий
 Мне кружит ум, как „Свадьба Фигаро“.

Дух мелочей прелестных и воздушных,
 Любви ночей, то нежащих, то душных,
 Веселой легкости бездумного житья...
 Ах, верен я,—далек чудес послушных,
 Твоим цветам, веселая земля.

Андрей Белый.

КАЛЕКА.

I.

Я стал похож на паука,
 Ползу—влекутся ноги-плети.
 Там под кустом издалека
 За мной следят в испуге дети.

Как ночь—глаза. Как воск—чело.
 На сердце яд отравы острый.
 Так глухо стучает в дупло
 Над головою дятел пёстрый.

Так волен уток дикий лёт
 Над что-то шепчущей берёзой.
 На костылях ползу — мой рот
 Кривит бессильная угроза.

Пусть в вольных далях ветерок
 Взметает прах на перекрестках—
 Бесцельно плещет мотылек
 На кружевных, сребристых блестках!

Я стал похож на паука,
 Ползу—костыль мне вздернул плечи.
 Ко мне летят издалека
 Детей испуганные речи.

II.

Моей невестой ты цвела,
И был жених красив и молод.
Теперь: в очах потухших—мгла,
В улыбке уст безумных—холод.

Дитя, я рад: полей и рош
Родные виды вновь воскресли...
В весенний вечер, слаб и тощ,
Сижу-дремлю в спокойном кресле.

Ловлю твой взор, дитя, дитя;
Вот кисти рук—изящных лилий—
Вот шелк кудрей, цветя, блестя,
Снопы лучей озолотили.

Вложила ты, глядя сквозь боль,
Как облака плывут скитальцы,
Цветок весны—желтофиоль—
В мои трясущиеся пальцы.

Вдруг ты сказала: „Страшно мне:
„Там, где ветвей скрестились дуги,
„Паук-крестовик в вышине
„Повис на серебристом круге“.

Молчу. Горит душа, горит,
И бешен темный взор мой, бешен.
Костыль приподнятый грозит,
Мертво в застывших пальцах взвешен.

А ты, вздохнув, уходишь в даль,
Бежишь меня, бежишь невольно,
Бежишь,—а мне чего-то жаль,
Ушла,—а мне так больно, больно.

Нет—не умру! Нет—буду жить.
О, этот тонкий, пьяный запах!
Пусть надо мной,—где блещет нить,
Звенит комар в паучьих лапах.

Пусть на войне и стон, и крик,
И желтый дым удушлив, едок—
Мне сладко нежить бледный лик
В лучах, блеснувших напоследок.

Пусть вешний ветер ветвь взовьет,—
Из-под нее, горя, невнятно,
Пусть на меня заря прольет
Жемчужно-розовые пятна.

Один. Склонился на костыль.
Душа ясна—любви не просит.
В лазури бледной, ветер пыль—
Взлетевший столб—в пространство бросит,
В пространствах ясных носит, носит.

III.

Мы ждем. Ее все нет, все нет...
Мы ждем среди праздничного храма,—
И, в черепаховый лорнет
Глядя на дверь, сказала дама—

Шепнула мне: „Si jenne!.. Quelle ange!“...
Вошла, склонясь: склонясь в печалях,
Белей, чем мертвый флер-д'оранж,—
Вошла—туманится в вуалях.

В веселых окнах багрянец...
Рыданий крик сдавил ей горло,
Когда рука над ней венец
Холоднблещущий простёрла.

Спешат друзья—за рангом ранг—
 Нам оказать вниманья знаки,
 На костылях—оранг-утанг—
 Стою пред ней в измятом фраке.

Она моя, моя, моя!..
 Она сквозь слезы улыбнулась.
 Мы вышли. Ласточек семья
 Над папертью в лазурь метнулась.

Мальчишки, вскачь спасаясь вдале,
 Со смеху прыснули невольно,
 Смеюсь,—а мне чего-то жаль,
 Молчит,—а ей так больно, больно...

В. Л. Пяст.

* * *

Нет, мне песни иной не запеть, не запеть, не запеть!
 Только раз, только миг, человеку все небо открыто,
 И мгновеньем одним все возможное счастье изжито...
 О, возможное счастье!—Иного не сметь... Не уметь...

Нет, мне рощи иной не любить, не любить, не любить!..
 Только раз, только миг предстает обиталище рая;
 В том зеленом саду,—там душа остается, сгорая.
 О, душа остается!—Остаться... Не жить... И не быть...

Нет, мне жизни иной не узнать, не узнать, не узнать!
 Только раз, только миг брызжет ввысь ледяная
 громада...

Упадет, и уйдет,—и пустыню покинет прохлада.
 О, пустыню покинет!.. Покинуть... Невзять... И не дать.

Леонид Борисов.

НЕУГОМОННАЯ НОЧЬ.

Был час, как час, и ночь, как ночь любая,
 С огнями на мосту,
 Но синий снег,—с карнизов опадая,
 Захлебывался на лету.

И губы трескались от нестерпимой жажды—
 Огня или воды...

Такая ночь дается лишь однажды
 Всем сильным и молодым.

Такую ночь нельзя проспать под крышей,
 В такую ночь нельзя

Не чувствовать, не видеть и не слышать
 О чем поет земля.

В такую ночь разлюбленному даже снится
 Возлюбленная и жена,

И книги каждой первая страница
 Предчувствием любви напоена.

В такую ночь—играй наудалую
 В рулетку и лото.

В такую ночь—иди любить любую—
 За все и ни за что.

В такую ночь не проиграешь в карты,
 Но выиграешь сполна,

В такую ночь любовью и азартом
 Руководит весна.

Ведь, это ею зажжены желанья
 В крови у нас,

Любое можешь получить признание,
 Мерцающее в глазах.

С тобою, шествующей—сегодня рядом
 Как хорошо шагать!

Целуй ее! Коль любишь, значит, надо
 Безумствовать и целовать.

Коль любишь, факелом гори, и без остатка
 Сжигай ее, а сам —
 Сгорай без боязни. Лишь только то и сладко,
 Что жизнь дарит нам.

Весной любовь, а летним утром —груши
 И яблоки в вечерний час...
 О, эта жизнь! Она, как пламя, душит,
 Испепеляя нас.

Но—если „нет“ услышишь от лукавой, —
 То вот тебе совет:
 Взгляни назад, налево и направо, —
 Красавиц полон свет.

И, если ты начнешь молиться богу,
 Чтоб он помог тебе,
 Я повторю: красавиц в мире много,
 Но бога нет нигде.

Да, в эту ночь нельзя бродить без цели,
 Но, — если ты — поэт,
 Возьми и докажи на деле,
 Что превосходит свет.

Кляни слова, повторенные дважды,
 Будь мудрым и простым!
 Такая ночь дается лишь однажды
 Всем сильным и молодым!

Вл. Соловьев.

* * *

У царицы моей есть высокий дворец, —
 О семи он столбах золотых,
 У царицы моей семигранный венец —
 В нем без счету камней дорогих.

И в зеленом саду у царицы моей
 Роз и лилий краса расцвела,
 И в прозрачной волне серебристый ручей
 Ловит отблеск кудрей и чела.

Но не слышит царица, что шепчет ручей,
 На цветы и не взглянет она:
 Ей туманит печаль свет лазурных очей,
 И мечта ее скорби полна.

Она видит: далеко в полночном краю,
 Средь морозных туманов и вьюг
 С злою силою тьмы в одиночном бою
 Гибнет—ею покинутый друг.

И бросает она свой алмазный венец,
 Оставляет чертог золотой,
 И к неверному другу—нежданный пришлец—
 Благодатной стучится рукой...

И—над мрачной зимой молодая весна —
 Вся сияя склонилась над ним.
 И покрыла его, тихой ласки полна
 Лучезарным покровом своим.

И низринуты темные силы во прах
 Чистым пламенем весь он горит,
 И с любовью вечной в лазурных очах
 Тихо другу она говорит:

Знаю: воля твоя волн морских неверней;
Ты мне верность клялся сохранить, —
Клятве ты изменил. Но изменой своей
Мог ли сердце мое изменить?

Сергей Малахов.

О ПАРТИИ и ЛЮБИМОЙ.

М. Боревой.

У моей любимой глаза оленя
И черная луком бровь, —
А партия взглянет глазами Ленина,
И под откосом моя любовь.

У любимой глаза блеснут и станут —
Два солнца в полдневный зной.
А партия взглянет: и баррикады встанут
Стальной и заводской стеной.

Любимой слова на сердце ульем
Улеглись и зашелестели только вчера:
А с тою, с партией, подружались пулями
Баррикады в октябрьские вечера.

С той подружился, — сказала: „Иди!“
И пошел в штыки на Врангеля с той.
А эта пришла и легла в груди
Сердцем... так... ни за что.

У нее на курчавых кольцах платок
Дразнится красным пятном,
У нее не юбок шуршащий шолк,
А Ульянова пятый том.

У нее в Свердловии третий год
Голова куется, звеня.
А вчера выпуск, и в этом вот
Всё — конец для меня.

Пришла. Сказала: „Ночью еду:
Переброшена для работы в Абхаз“.
Сегодня с нею — и смуглой, и бледной —
Навсегда расстается глаз.

Сегодня мое живое сердце
Уезжает по командировке Цека.
Сегодня, быть может, дрогнув не сдержится
На рукоятке нагана рука.

Видите: вон вагон трамвая.
Уехала... не встать с земли самому.
„Нужен мне“, — шепнула вторая:
„Голову с рельсними“. — „Сниму...“

Демьян Бедный.

РАБОТНИЦЕ.

Язык мой груб. Душа сурова,
Но в час, когда так боль остра,
Нет для меня нежнее слова,
Чем ты — „работница сестра“.

Когда казалось временами,
Что силе вражьей нет числа,
С какой отвагой перед нами
Ты знамя красное несла!

Когда в былые дни печали
У нас клонила голова,
Какою верою звучали
Твои бодрящие слова!

Пред испытанья горькой мерой
И мстью, реющей вдали,
Молю, сестра: твоею верой,
Нас подними и исцели.

С. Обрадович.

МАТЬ.

Мать слегла...
Слепые толпились туманы,
Таилась в переулках мгла,
Как зверь
Зализывающий раны.

Мать!
Родная, тихая мать.
Многое она не понимала.
Да и матери трудно теперь понять
Сыновнюю горечь жалоб.

А жалоба—так редка.
Он придет, задыхаясь;
Сердце—вихрь.
Грустит старая:
— Неугомонный Цека.
Силы-то, силы-то не подорви!..

Скудный недолгий обед.
Дрожала седая прядь у щеки:
— Слышал,
Как шутит барышник сосед:
„Рабочим Соль, Фасоль, себе Рябчики“..

— Говорят,
Не в ладу Троцкий и Ленин: ✓
Будто б землю делить пополам...
Нет у Иверской исцелений...
Господи,
Помоги нам...

— Смута... смута...
Шуршат листопадом
Старушечьи губы;
Снежится прядь...
Трудно старенькой... рада бы, рада
Верить весне Октября...

— Шило—в Совет,
А топор—себе...
Люди—как люди, а тут... на!
Тары да бары бы о борьбе...
Глухо язвила жена.

Мать—убогому богу
Поклон в углу,
И—в очередь по карточке „А“...
Потом в непослушную иглу
Угасающие глаза.

К вечеру, потемнев, слегла...
Слепые толпились туманы.
Таилась в переулках мгла,
Как зверь,
Зализывающий раны.

И вот—
Койка,
Тряпье,
Труп...
Кроткая прядь на впалой щеке.
Стон стиснутых льдистых губ
Стыд в смертной последней тоске.

Сердцу—беспокойной птицей не быть,
Дрожащим рукам—не ласкать!
Сердце—немо,
Глаза—слепы...
Мать...
Родная, тихая мать...

Василий Казин.

ДЯДЯ ИЛИ СОЛНЦЕ.

Цветут глаза, и слух, и дух цветет, впивая
От каждой твари сочный, пестрый звон.
Но кто родней—мой дядя ли Семен
Сергеевич, иль это солнце мая?

Он очень мил, мой дядюшка портняжка,
Сердечный, вечный самогонки друг,
Зимой и летом пышащий так тяжело,
Что позавидует утюг.

Он шумный пьяница, но великолепен
Теплыню искренней его нелепый шум—
То вкусной руганью ослепит,
То взбрызнет шуточки изюм,

И как чудесны дядюшкины руки,
Когда, жалея мой влюбленный пыл,
Он мне так ревностно разглаживает брюки,
Чтоб я глазам любимой угодил.

И этих рук сердечное движенье
Ложится родинкой в моей груди.
Вдруг—солнце. Солнышко... Звени, гуди,
Малиновое сердцебьенье!

Сочится солнце с картуза,
Стучится искрами в глаза
И веселится солнце мая—
Красней бубнового туза.

Страстней гармоники играя,
Струится, брызжется весной,
И по губам и по карманам
Струится праздником румяным,

И я глотаю сочный звон—
Ах, дядюшка, скажи, родной,—
Не то ли солнце стало мной,
Не то ли сам я —солнцем пьяным?

Как много жизни бьет в груди!
Ах, дядюшка, хоть отцеди
На следующее поколение.
Звени, звени, гуди, гуди,
Малиновое сердцебьенье!..

Цветут глаза, и слух, и дух цветет, впивая
От каждой твари сочный, пестрый звон.
Но кто родней—мой дядя ли Семен
Сергеевич, иль это солнце мая?

О. Мандельштам.
ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

I.

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,—
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой—сладкое лекарство.
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна!

Немного красного вина,
Немного солнечного мая.—
И тоненький бисквит ломая
Тончайших пальцев белизна...

II.

Медлительнее снежный улей,
Прозрачнее окна хрусталь,
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стуле.

Ткань, опьяненная собой,
Изнеженная лаской света,
Она испытывает лето,
Как бы нетронута зимой.

И если в ледяных алмазах
Струится вечности мороз,
Здесь—трепетание стрекоз
Быстроживущих, синеглазых...

С. Есенин.

* * *

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То наверно был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
— Ничего. Я споткнулся о камень.
Это к завтраму все заживет.

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипятковая вязь,—
Беспокойная дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг;
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
— Ничего. Я споткнулся о камень.
Это к завтраму все заживет.

Н. Оцуп.

ГВОЗДЬ.

Мой любимый старый друг,
Только черный, только гость!
Без забот, стенаний, мук,
На стене железный гвоздь.

Всем доволен, все готов
Подцепить и поддержать.
С темно-розовых цветов]
Строго смотрит на кровать.

Жмет узорный пьедестал
Тело друга моего.
Вбили криво, так и встал,
Перегнули — ничего.

Чую в горле слезный ком,
Ведь когда-то, встав на стул,
Сам я стройным молотком
Спину черную согнул.

Были, были времена,
Был другой, неверный гость,
Шаль повесила она,
Мой любимый, черный гвоздь.

Иннокентий Анненский.

СМЫЧОК И СТРУНЫ.

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых?..
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то снял их.

„О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?“
И струны ластились к нему,
Звеня,—но ластясь трепетали.

„Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? Довольно?“...
И скрипка отвечала да
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солище их нашло без сил
На черном бархате постели.

Владислав Ходасевич.

БАЛЛАДА.

Сижу, освещаемый сверху,
Я в комнате круглой моей.
Смотрю в штукатурное небо
На солнце в шестнадцать свечей.

Кругом—освещенные тоже—
И стулья и стол и кровать.
Сижу и в смущеньи не знаю,
Куда бы мне руки девать.

Морозные белые пальмы
На стеклах беззвучно цветут.
Часы с металлическим шумом
В жилетном кармане идут.

О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мне поведать, как жалко
Себя и всех этих вещей?

И я начинаю качаться,
Колени обнявши свои.
И вдруг начинаю стихами
С собою говорить в забытьи.

Несвязные, страстные речи...
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвие.

Я сам над собой вырастаю,
Над мертвым встаю бытием:
Стопами в подземное пламя,
В текущие звезды—челом.—

И вижу большими глазами,—
Глазами, быть может, змеи—
Как пению дикому внемлют
Несчастные вещи мои.

И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.

И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает Орфей.

Валерий Брюсов.

У ЗЕМЛИ.

Я б хотел забыться и заснуть.

Лермонтов.

Помоги мне, мать земля,
С тишиной меня сосватай!
Глыбы черные деяя,
Я стучусь к тебе лопатой.

Ты всему живому — мать,
Ты всему живому — сваха.
Перстень свадебный сыскать
Помоги мне в комьях праха.

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком,
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг с росой, зарю со мраком.

Помоги сыскать кольцо,
Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать
На грядках, недавно взрытых.

Я твой сын, я — тоже прах,
Я как ты, — звено созданий.
Так откуда — страсть и страх,
И бессонный бред исканий?

В синеве плывет весна,
Ветер вольно носит шумы...
Где ты, дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?..

Помоги мне, мать! К тебе
Я стучусь с последней силой.
Или ты в ответ мольбе,
Обручишь меня с могилой?

С. Есенин.

* * *

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком!
А сейчас как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню,
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный, —
В бревнах теплилась грозная мощь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень зычный
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюду кирпичный,
В завывании дождевом?

Видно видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры.
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю.
Сам не малый прошел там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

Не угасла та нежная дрёма.
Всё истлело в дыму голубом,
Мир тебе — полевая солома,
Мир тебе — деревянный дом.

А. Фет.

Die Gleichmässigkeit des Laufes der
Zeit in allen Köpfen beweist nicht mehr,
als irgend etwas, dass wir Alle in densel-
ben Traum versenkt sind, ja dass es Ein
Wesen ist welches ihn traemt. (Schopen-
hauer, Parerga, II § 29).

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только на небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой мирозданья алтарь клубится.
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит, и вся вечность снится.

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный,—
Твой только отблеск, о, солнце мира,
И только сон,—только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновеньи,
Как дым несусь я, и таю невольно,
И в этом прозреньи и в этом забвеньи
Легко мне жить и дышать мне не больно.

Ф. И. Тютчев.

СУМЕРКИ.

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул;—
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой.
Все во мне,—и я во всем...

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства— мглой самозабвенья
Переполни через край...
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
ГОЛОСА РОДИНЫ

Александр Блок.

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ.

Выхожу я в путь, открытый взорам,—
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав.
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или—каменным путем влекомый
Нищий, распеваящий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка.
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
 Как я молодость сгубил в хмелю...
 Над печалью нив твоих заплачу,
 Твой простор навеки полюблю...

Много нас—свободных, юных, статных
 Умирает, не любя...
 Приюти ты в далях необъятных!
 Как и жить, и плакать без тебя!

Н. К л ю е в.

* * *

(Виктору Шимановскому).

Придет караван с шафраном,
 С шелками и бирюзой,
 Ступая по нашим ранам,
 По отмели кровавой.

И верблюжьи тяжкие пятки
 Умерят древнюю боль,
 Прольются снежные святки
 В ночную арабскую смоль.

Сойдутся: вятич в тюрбане,
 Поморка в тунисской чадре,
 В незакатном новом Харане,
 На Гор лучезарной горе.

Переломит Каин дубину
 Для жертвенного костра,
 И затопит земную долину
 Пылающая гора.

Города журавлиной станицей
 Взбороздят небесную грудь,
 Повелец с лимонною Ниццей
 Укажут отлетный путь.

И не будет песен про молот,
 Про невидящий маховик,
 Над Сахарою смугло-золот
 Прозябнет России лик.

И в шафранных зрачках караваны,
 С шелками и бирюзой,
 И дремучи косы платаны,
 Целованные грозой.

Максимилиан Волошин.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.

Кто ты, Россия? Мираж? Навождение?
 Была ли ты? Есть? Или нет?
 Омут... Стремнина... головокруженье...
 Бездна... Безумие... Бред...

Все неразумно, необычайно!
 Взмахи побед и разрух...
 Мысль замирает пред вечною тайной,
 И ужасается дух.

Каждый, коснувшийся дерзкой рукою,
Молнией поражен:
Карл под Полтавой; ужален Москвою,
Падают Наполеон.

Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат.—
Год... и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят.

Кто там? Французы?—Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайтесь до наших пожарищ:
Прикосновение—смерть.

Реки вздувают безмерные воды,
Стонет в равнинах метель:
Бродит в точиле, качает народы
Русский разымчивый хмель.

Мы, зараженные совестью,—в каждом
Стеньке—святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажая до дна.
Дивное диво—горит не сгорая
Неопалимая купина.

Николай Браун.
РОССИЯ.

В нѳчи, в нѳчи, в поля, сквозь огни в черноту,
где гудят
Паровозные топки, где шпалы звенят, где когда-то
По скрипучим теплушкам, по рваным шинелям солдат
Деятнадцатый год выжигал величавую дату.—

Там — запутанный в травы, от крови заржавленный
дым,—

Он скитался не мало, он слышал земли переключку.
Он расскажет о том, как над этим кочевьем глухим
Нами брошена в порох задорная рыжая спичка;

Как в изодранных пальцах рвались и хрипели слова:
Лучше штык иль свинец, чем копить золотые ко-
пейки!..

И была не столицей—походной палаткой—Москва
С пятикрылой звездой на татарской своей тубе-
тейке.

Может быть, он и горек, годов этих яростных яд,—
Но столетий острей и чудеснее годы такие!
Оттого и слова мои тусклою медью стучат,
Перед звоном твоим, вознесенная дыбом Россия...

Вот я имя твое, как завещанный дар, берегу.
И выводит рука над заглохшею в полночь равниной:
Больше родины нет, есть Россия в свистящем снегу,
Что в просторы вселенной рванулась пылающей
льдиной!

Андрей Белый.

РОССИЯ.

Довольно: не жди, не надейся,
 Рассейся, мой бедный народ!
 В пространство пади и разбейся,
 За годом мучительный год.

Века нищеты и безволя...
 Позволь же, о родина-мать,
 В сырое, в пустое раздолье,
 В раздолье твое прорыдать,—

Туда, на равнине горбатой,
 Где стая зеленых дубов
 Волнуется купой, подъятой
 В косматый свинец облаков,

Где по полю оторопь рыщет,
 Восстав сухоруким кустом,
 И ветер пронзительно свищет
 Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
 Восставши над сетью бугров,
 Жестокие желтые очи
 Безумных твоих кабаков,—

Туда, где смертей и болезней
 Лихая прошла колея,—
 Исчезни в пространство, исчезни,
 Россия, Россия моя.

Андрей Белый.

РОССИЯ.

Рыдай, буревая стихия,
 В столбах громового огня:
 Россия, Россия, Россия,
 Безумствуй, сжигая меня.

В твои роковые разрухи,
 В глухие твои глубины
 Струят крылорукие духи
 Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени,
 Туда, в ураганы огней.
 В грома серафических пений.
 В потоки космических дней.

Сухие пустыни позора,
 Моря неизливаемые слез,—
 Лучом безглагольного взора.
 Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе и кольца сатурна
 И млечных путей серебро;—
 Кипи фосфорически бурно,
 Земли огневое ядро.

И ты, громовая стихия,
 Безумствуй, сжигая меня:
 Россия, Россия, Россия—
 Мессия грядущего дня.

Н. Асеев.

РОССИЯ ИЗДАЛИ.

Три года гневалась весна,
Три года грохотали пушки,
И вот—в России не узнать
Пера и голоса кукушки.

Заводы весен, песен, дней!
Отрите каменные слезы:
В России—вора голодной
Земные груди гложет озимь.

Россия—лен, Россия синь,
Россия брошенный ребенок,
Россию сердце возноси
Руками песен забубенных.

Теперь там зори поднял май,
Теперь там груди черных пашен,
Теперь там—голос подымай
И—мир другой тебе не страшен!

Теперь там мчатся ковыли,
И говор голубей развешан,
И ветер пену шевелит
Восторгом взмыленных черешен.

Заводы! Слушайте меня!
Готовьте пламенные косы:
В России всходят зелена
И бредят бременем покоса.

А. Блок.

РОССИЯ.

Грешить безстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти стороной в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь—осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А, воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщолкивая счот;
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Илья Садофьев.

НЕ ОТРЕКУСЬ.

Не забыть, никогда не забыть
Предвечернюю синь по лугам
И старушью сутулость избы
И угрюмый лягушечий гам...

Объявите меня сумасшедшим,—
Разве буду об этом жалеть?
Лишь бы помнить о жизни, прошедшей
Над рекой в родимом селе.

Лишь не вздумал бы я отречься
Вот от этих людей бородатых...
Не стыжусь, что по дедовским святцам
Я нащупывал путь мой когда-то.

А теперь говорит Голотынин,
Богатырь и смиренник, Василий:
Наша тульская кровь не остынет,
Наших тульских никто не осилит.

И как будто Василью ответом
Широко прокатилась молва:
Разродиться российским поэтом
Только тульская баба могла!

И за то никогда не забыть,
Не забыть и не мне и не вам
И мужицкий уселок избы
И вечернюю синь по лугам...

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ
ГОЛОСА ДЕРЕВНИ

Борис Зубакин.

КОМАРИНСКАЯ.

Ах,—на полях-то ночка к кочкам прилегла—
 За околицей—раздолица и мгла.
 Эх—да не грех, в игре, в костре развестись огонь,
 Пой не панское, тальянская гармонь!
 Ты комаринскую вдарь да заведи,
 Чтоб звенело да гудело бы в груди,
 Каблуками, да носками в перебор
 Выше леса, выше плеса, выше гор!

* * *

Месяц—шкалик свой зеленый потерял,
 А и то бы, он, сударик, заплясал!
 Заплясала наша церква на селе,
 Поп с дьячком, ничком, ползут навеселе.
 Пьяны избы, пьяны девки у берез...
 Всё пьяным пьяно...—один мужик тверез.
 „Подвернулася знать пьяная земля,
 Что головушка кружится без хмеля“.

Э-э-х!

Сергей Городецкий.

ИЗ „ПЕСЕН ОБ ЯРИЛЕ“.

В горенке малой
 У бабы беспалой
 Детей несудом.
 Зайдет ли прохожий,
 Засунется ль леший,—
 На свежей рогоже,
 Алее моркови,

Милует и тешит;
 Ей всякое гоже,
 С любим по любви,
 Со всяким вдвоем.

Веселая хата
 У бабы беспалой,
 Роятся ребята,
 Средний и малый,
 Урод и удалый,
 Помене, поболе,
 На волюшке-воле.

Отцов позабыла.
 Пришел и посеял,
 Кручину затеял,
 Кручину избыла,
 И томятся губы,—
 Засуха постыла,
 Пустыни не любы.

— Где батько, мой, мамо?
 — За тучами, тамо,
 Где ветер ночует.
 — Где батя, родная?
 — За теми лугами,
 Где речка лесная
 Истоки пестует.
 — Где, мамо, родимый?
 — За теми ночами,
 Любимый,
 Где месяц жарует.

Весною зеленой
 У ярочки белой
 Ягниенок рожонный;
 У горленки сизой
 Горленок ядреный;
 У пегой кобылы
 Яр-тур жеребенок;
 У бабы беспалой—
 Невиданный малый:
 От верха до низа
 Рудой, пожелтелый,—
 Не, не, золоченый!—
 Ярила.

Александр Ширяевец.

ИЗ КНИГИ „МУЖИКОСЛОВ“.

... Мамыньки! Баушки!
 Арины Родионовны!
 Зацапанные барами—
 Блуднями
 Для соромной забавушки...
 Рано вас горбило
 Буднями
 Черными.
 Радости видано много ли?..
 Не вы ли
 Поили
 Песнями, сказами ярими
 Пушкиных, Корсаковых, Гоголей?
 А самим—оплеухи, пинки,
 Синяки,
 Да могилки незнаемые, убогие...

В. Александровский.
 КУЗНИЦА ПРИ ДОРОГЕ.

Вот кузница при дороге
 Стоит как гриб, разбухший под дождем.
 Кузнец—Игнат. Уже старик. Безногий,
 Дрожащий над ухватом и гвоздем.

Глаза белесые. В заплатанной рубаше.
 Уже с утра он под осадой баб.
 Кричат, ругаются. Но жизнь—в тяжелом взмахе
 В презрении на высохших губах!

А на полу среди плевков и сора
 Заклепка к плугу, зуб от бороны,
 Заржавленная старая рессора
 И штык с войны.

Игнат суров. Лицо в угрюмых складках,
 Да и тяжел теперь он на под'ем,—
 Вот к непогоде колет под лопаткой,
 Весь дребезжит. Пора уже на слом.

Но смерть молчит. А жить, так жить—у горна!
 Неделя, две—и захрустит ледок,
 Все так же равномерно и упорно
 Заходит по подковам молоток.

И кузница стара. Вся на подпорках,
 Но и она кряхтит, а не сдает.
 Молчит Игнат. Он продымит махоркой
 Неделю. Месяц. Может быть и год.

Живет старик, живет. Седеет редкий волос.
 Согнувшись, охает. Работает молчком.
 Но всю мужицкую соломенную волость
 Он держит под железным молотком.

Некрасов.

Из поэмы „МОРОЗ КРАСНЫЙ-НОС“.

* * *

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Заябнувших Машу и Гришу
И стали сынка обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе.

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечей в головах.
В широкой рубашке холщевой
И в липовых новых лаптях.

Большие с мозолями руки,
Под'явшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо—и до рук борода...

* * *

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки.

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накопело,
Из уст полилось рекой.

Не ветер гудит по ковылям,
Не свадебный поезд гремит,—
Родные по Проклу завывли,
По Проклу семья голосит:

„Голубчик ты нас сизокрылый!
„Куда ты от нас улетел?
„Пригожеством, ростом и силой
„Ты ровни в селе не имел.

„Родителям был ты советник,
„Работничек в поле ты был,
„Гостям хлебосол и приветник,
„Жену и детей ты любил...

„Что ж мало гулял ты по свету?
„За что нас покинул, родной?
„Одумал ты думушку эту,
„Одумал с сырою землей—

„Одумал—а нам оставаться
„Велел во миру, сиротам,
„Не свежей водой умыться—
„Слезами горячими нам!

„Старуха помрет со кручины,
„Не жить и отцу твоему,
„Береза в лесу без вершины—
„Хозяйка без мужа в дому.

„Ее не жалеешь ты, бедной;
 „Детей не жалеешь... Вставай!
 „С полоски своей заповедной
 „По лету сберешь урожай!

„Сплесни, ненаглядный, руками,
 „Сокольным глазком посмотри,
 „Тряхни шелковыми кудрями,
 „Сахарны уста раствори!

„На радости мы бы сварили
 „И меду, и браги хмельной,
 „За стол бы тебя посадили—
 — Покушай, желанный, родной!

„А сами напротив бы встали—
 „Кормилец, надежда семьи!
 „Очей бы с тебя не спускали,
 „Ловили бы речи твои“...

Петр Орешин.

БЕЗ ЦАРЯ.

Не на стонах ли брата убитого
 Стали жить мы, товарищи, заново?
 Ни тебе—станового сердитого,
 Ни тебе Николая Романова.

• Ни Распутина в шелке да бархате,
 Ни царева слуги Сухомлинова.
 Ой, не плачьте, грачи, и не каркайте,—
 Нет в России врага ни единого!

Много, братцы, царем перевешано,
 По указу цареву расстреляно.
 А приказы стрелять—не от лешаго,
 Государем расстреливать велено.

Допекала царева опричина
 На полях позабытые хижины,
 У того, глядь, спина вся иссечена,
 У того—пол-затылка острижено.

Жил урядник без друга-приятеля,
 Серым волком вынюхивал крамолу,
 Протоколил нас всех без из'ятя,
 Продавал свою душеньку дьяволу.

Да пришла Мать-Свобода великая,
 Провалилась вся гадь в преисподнюю.
 Разбежалась опричина дикая,
 Как бесовщина в ночь новогоднюю.

Братцы, есть лишь один воров истовый:
 Богачи, государевы бражники.
 Богачи во миру хуже пристава,
 Хуже всякого царского стражника!

У богатых изба—двух'этажная,
 У богатых земли—больше волости,—
 Оттого у тебя, Русь сермяжная,
 Не бывало на сердце веселости.

Не ходи ко всесветному знахарю,
 Не пытай колдуна, не выпрашивай.
 Помни крепко: земля—только пахарю,
 Златокудрому пахарю нашему.

Алый стяг над хибарами серыми,
Как над лесом заря, занимается.
Новый хлеб преогромными мерами
В закрома по зерну убирается!

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ
ГОЛОСА ГОРОДА

Валерий Брюсов

КОНЬ БЛЕД.

I.

Улица была—как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый рок.
Мчались omnibusы, кэбы, автомобили.
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертась, сверкали переменным оком,
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и щелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле—души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

II.

И внезапно—в эту бурю, в этот адский шопот,
В этот, воплотившийся в земные формы, бред,
Ворвался, вонзился чуждый несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и встал с огнем в глазах,
В воздухе еще дрожали—отголоски, крики,
Но мгновенье было—трепет, взоры были—страх.

Был у всадника в руках развитый длинный свиток,—
 Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
 Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
 В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

III.

И в великом ужасе, скрывая лица,—люди
 То бессмысленно зывали: „Горе, с нами бог!“
 То, упав на мостовую, бились в общей груди...
 Звери морды прятали, в смятении, между ног.
 Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
 Красоты своей,—в восторге бросилась к коню.
 Плача целовала лошадиные копыта,
 Руки простирала к огневещущему дню.
 Да еще безумный, убежавший из больницы,
 Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
 „Люди. Вы ль не узнаете божией десницей?
 Сгинет четверть вас—от мора, глада и меча“.

IV.

Но восторг и ужас длились—краткое мгновенье,
 Через миг в толпе смятенной не стоял никто:
 Набежало с улиц смежных новое движенье,
 Было все обычным светом ярко залито.
 И никто не мог ответить, в буре многошумной,
 Было ль то виденье свыше или сон пустой,
 Только женщина из зал веселья, да безумный
 Все стремили руки за исчезнувшей мечтой.
 Но и их решительно людские волны смыли,
 Как слова ненужные из позабытых строк.
 Мчались omnibusы, кэбы и автомобили,
 Был неисчерпаем яростный, людской поток.

С. Есенин.

Из цикла „КАБАЦКАЯ МОСКВА“.

* * *

Да. Теперь решено. Без возврата
 Я покинул родные поля,
 Уж не будут листвою крылатой
 Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,
 Старый пес мой давно издох,—
 На московских изогнутых улицах
 Умереть, знать, судил мне бог.

Я люблю этот город вязевый,
 Пусть обрюзг он и пусть одрях,
 Золотая дремотная Азия
 Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
 Когда светит... чорт знает как,—
 Я иду, головою свесясь,
 Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком...
 Но всю ночь напролет, до зари,
 Я читаю стихи проституткам
 И с бандитами „шпарю“ спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще
 И уж я говорю невпопад:
 Я такой же, как вы, пропащий,
 Мне теперь не уйти назад!

Низкий дом без меня ссутулится,
 Старый пес мой давно издох,—
 На московских изогнутых улицах
 Умереть, знать, судил мне бог.

В. Александровский.

ВЕЧЕР.

Вот какой он загребистый, вечер!—
Взял и выкинул в уличный гам!
Ах, кого же сегодня я встречу,
Что же свяжет меня по ногам?

К толкотне, кутерьме, беспорядку,
Быть, где мгла и бунтующий свет!
Серых улиц железную хватку
Я люблю с незапамятных лет.

Взять бы ищущими руками
Эту площадь и нежно качать!—
Длинным временем с'еденный камень
Мне и близок и дорог сейчас.

Пусть сплетаются люди и звери,—
Разве жизнь превращается в пыль,
Разве кто-нибудь может измерить
Человеческий разум толпы?

Тот безумен, тот подл и развратен;
Эта злобна, продажна вон та,—
Но всегда среди уродливых пятен
Ты найдешь голубые цвета.

Вот какой он загребистый, вечер!—
Взял и выкинул в уличный гам.
Ах, кого же сегодня я встречу,
Что же свяжет меня по ногам?

Валентин Кривич.

Из поэмы „КАРУСЕЛЬ“.

Эх, и радость же на нашей площади!—
Красота...
— „Глянька-ка: кони-то! львы, а не лошади...
Ну, так что ж, что один без хвоста“.
— „Видишь, звезды-то: блесками вышиты“.
— „Куда прешься? Да тише ты!
А то вот я как дам“...—
— „Извиняюсь, мадам“.—
— „Ну, кому же, кому толстое „Сафо“ продам.“
— „А зеркал-то, зеркал! А стекляруса,
Ну, и пущено“.
— „Да, уж, как говорится—нагущено...
Ишь, одна позолота в два яруса“.
— „Ну, граждане почтенные!
Не скупись на разменные.
Эй, господа товарищи,
Подходи,—что стали-то!
Мало, что ль, налито?
Чай на веселье пришли, не на пожарище...
Торопитесь занимать места,
Цена одна—что с головы, что с хвоста!
Хвалить не стану,—
А только у нас без обману:
Что ни заход—верста.
Как в самой лучшей Европе“.
— „Дяденька, дай на коляске присесть,
Тут еще с краю местечко есть“.
— „Ладно... посидишь и...
— „Не люблю я в скопе“.
— „Да-с... многочисленный коллектив“.
— „Да ведь у нас весной в Питере обыкновенно
тиф...“

Тут уж удивляйся—не удивляйся...
 Ну-с—пока. Мне еще, знаете, в кооператив...“
 — „Эй, вы, гражданин! Разойдись. Не скопляйся“.
 — „Ну, надо, что-ль, фабричная „Нева“?
 — „А вот за такие ваши слова
 Как сволоку я тебя на Гороховую 2“.
 ... Радость, радость-то на нашей площади...
 Красота!
 Играет шарманка, вертятся лошади...
 Торопитесь занимать места!..

* * *

Закачалось, заскрипело
 Жутко-старческое тело,
 Размалеванная быль...
 Все быстрее и быстрее
 Завертелся флаг на рее,
 С кумачей взметнулась пыль...

Все забыть в одном мгновенье:
 Муку, старость, униженье,
 Стыд и боль обид и ран...
 Упоением венчаться,
 И звенеть, и петь, и мчаться,
 Верить в сладостный обман!..

Хоть на миг—но ты царица.
 Рев шарманки, юбки, лица,
 Спины, крики, галифе...
 Твой восторг, их преклоненье,—
 Все слилось в одном мгновенье
 На одном ауто-да-фэ.

Ах, не все ль равно для блеска,
 Что внутри, за занавеской
 Вбиты грязные колы?..
 Что к шарманке грязь прилипла,
 А у мага кашель хриплый
 И глаза уныло-злы?..

* * *

Как мне близка она, немою,
 Без снов, ушедших в пустоту!..
 Прижавшаяся бахромою
 Дрожащей к мокрому холсту!..
 Она, лишившаяся тайн
 И побеждавшая толпу,
 Лишь для того, чтоб мог хозяин
 Купить картофель и крупу!..

* * *

В лужах грязной площади
 Небо ночное качается...
 Может быть в этой луже и мое
 сердце дрожит—отражается?..

С. Владимирова.

(Работница—поэтесса, преждевременно умершая).

КОНДУКТОРША.

Кружусь,
 толкусь
 в вагоне тряском;
 Толпа ползет
 со всех сторон.
 И в воздухе густом и вязком
 Немолчный гам,
 Немолчный стон.
 Скрипит,
 хрипит
 вагон усталый,
 и груди человеческих тел,
 Как бы лавиной
 снежно-талой,

в желанный
врезались предел.

Одна, полна
заветной думы,
стою,
прижавшись в стороне,

А лица
злобны и угрюмы
ползут, оскалившись,
ко мне.

Болят,
дрожат
бока и ноги...

„Эй, получайте же билет!“
Толпы столикой осьминоги
мне затмевают свет.

Несут
и жмут
меня жестоко,
но я —
устойчива, тверда.

Мое
внимательное око

Не спустит
„зайцам“
никогда!

В труде
езде
равно упорны,—

Ничто нам трудности пути.

Врагов мы победим, беспорно,
чтоб рай
на землю
низвести.

Иди,
буди,
мой клич призывный,
того
кто в бурях изнемог...
Работницы,
Вперед,
вперед,
сквозь дым и пламя!—
в экспрессе
огненных времен,
поднявши гордо
наше знамя,
к союзу братскому племен.

Николай Полетаев.

ПЕСНЯ О СОЛОВЬЯХ.

Апрель окреп и потонул в лучах
И бьется голубем ко мне в подвал,—
А я хочу вам спеть о соловьях,
О соловьях, которых не слышал.
Но только двор и синевы кусок,
И грязь цветет, и в золоте ручьи,—
По ним мальчишкой гнал я корабли,
Гнал на коленках, не жалея щок.
И ночью плыл большущий мой корабль,
А я в песках, я на коне скакал,
И утром плесень—солнечная рябь,
И утром не гудок гудел, а выл шакал.
Послушно шли большие на тот вой,
А я к ручьям на двор, на грязь в цветах...
Но это все опять о мостовой,
Ведь я хотел вам спеть о соловьях!
Это раз, но было со мной,
Синева разгорелась кругом,

И под этой под синевою
 Только рожь—золотым ковром...
 И потом, когда волосы мать
 Рассыпала дождем по плечам,
 Золотилась рожью кровать
 И подвал обливался в лучах.
 Вырос я и послушен гудку,
 Только ночью жгут губы дня маяту,
 Да вверху по тому же кусту
 Звезды горсткой сверлят темноту.
 На дворе я. Нет: в темном пахучем саду,
 Полон он соловьев и гремящего сна,
 Я в доспехах сверкаю, я рыцарем с нею пройду,
 Не помойкой—розами душит весна.
 Вот почему, когда окошка сеть
 Втянула голубя ко мне в подвал,—
 Мне хочется о соловьях вам спеть,
 О соловьях, которых не слышал.

В а с и л и й К а з и н.

КАМЕНЩИК.

Бреду я домой на Пресню,
 Сочится усталость в плечах,
 А фартук красную песню
 Потемкам поет о кирпичках.
 Поет он, как выше, выше
 Я с ношей красной лез,
 Казалось—до самой крыши,
 До синей крыши небес.
 Глаза каруселью кружило,
 Туманился ветра клич...
 Утро—тоже вносило,
 Вносило красный кирпич...

Бреду я домой на Пресню,
 Сочится усталость в плечах,
 А фартук красную песню
 Потемкам поет о кирпичках.

Д м . Ч е т в е р и к о в .

ЛЕТНИЙ КЛУБ.

Еще недавно пахнул лимонадом
 И пудрою дешевой летний клуб.
 Полубольным, невыспавшимся садом
 Бродили толпы, жались жаром губ...
 Пьяневших женщин сиплое контральто
 Пропело гимны празднику продаж.
 Кого-то спрятав, полотном асфальта,
 Умчал наемный крытый экипаж.
 Как боль рассветной мартовской капели,
 Можжили скрипки, вздрагивал фагот.
 Бездарный вальс. И так безвкусно сели
 В прическе лип гребенки непогод.
 И вот—в сучках беседки кажут рожки...
 Старик с лицом изъеденной коры —
 По лужам вышел из своей сторожки
 Клеить к забору надпись: Сад закрыт.
 Хлопки надолго в партере замолкли.
 Шатучий ветер в сквере колесил.
 Потом—пришли шумливо комсомолки
 Звенело смеха кольчатсе си,
 А литкружок с отчаянным зачесом,
 С курносый профилем невозможных черт,
 Клеил плакат над перегнувшим тѣсом:
 „Сегодня митинг, митинг и концерт“.

Д. Туманный.

СУББОТНИК.

...Революция... Не сдадимся... Справедливость и сила
с нами"...
„Пролетарский могучий молот раздробит буржуаз-
ный пыл“...
Плыли руки иплыли шапки, и над шапками плыло
знамя,
И за знаменем дух завода, дух махорки и пота,
плыл...
Это было в середине лета и, над улицами вставая,
Упирался лучами в спины сконцентрированный ра-
сплав,
И под солнечной желтой плетью искорежилась мо-
стовая—
Мостовая устала тоже, мостовая еще спала...
У калитки завода встали. По команде входили ровно,
Из распахнутого подвала пахла чем-то съедобным
прель...
Мы таскали кирпич и цемент, паровозный чугун
и бревна
И уродливые обрубки перержавевших, рыжих рельс,
А когда, изощедши потом, задыхаясь от липкой
дрожи,
Каждый понял до крика ясно: „Жизнь нелепа и мир
нелеп“,—
Наступила опять работа всех досугов земных дороже:
У нахмуренного завхоза получать получерствый
хлеб..

С. С. Заяицкий.

НЭПМАН.

Продаю вагон—чистейшая крупчатка,
Образец в кармане—ручаюсь я.
Дубликат даю при уплате задатка:
Тара покупателя, доставка моя.

А он стучит—облезлый, темнокрасный,
Гремят под ним плетеные мосты.
Снега блестят, под небом дали ясны,
И как кораллы замерли кусты.

Стучит, стучит цепей стальное сердце,
Великий путь раскинулся без мер.
Пять белых букв кричат на алой дверце:
Ре-Се-Фе-Сер, Ре-Се-Фе-Сер.

На станции среди равнины синей
В глухую ночь, пока придет пора,
Он долго ждет и одевает иней
Колеса, цепи, доски, буфера.

.....
Универсальный магазин Мосторга
(На древне-русском Мюр и Мюрилиз),
Там девушки порхают вверх и вниз,—
На них—скажи—кто смотрит без восторга?

О, фартучки! О, кудри цвета ржи!
Ажурный круг меж башмачком и юбкой!—
Дыми, дыми, своей янтарной трубкой,
Но о любви мечтанья отложи.

Настанет ночь для неги сладострастной,—
Считай фунты—и кушай свой эклер...

А он, стучит, облезлый, темнокрасный:
Ре-Се-Фе-Сер, Ре-Се-Фе-Сер.

Сергей Городецкий.

ШАРМАНКА.

И опять визги, лязги шарманки, шарманки,
Свистящей, хрипящей, как ветер ночной—
Размалеванной жизни пустые приманки,
Льняная коса над ночной сединой.

Маргарита, венгерка и вальс „Ожиданье“,
И вальс „Ожиданье“, тоска и тоска,
Той мещанки над жизнью пустой тоскованье,
Чья радость и дело—вязанье носка.

Вот по этому парку, цветов не срывая,
Гулял, поджидал—по траве не ходить—
Золотиста коса, за цветы задевая,
Гимназиста с ума приходила сводить.

Там под соснами пол из досок настилали,
Танцовали венгерку—вертелась рука.
Целовались, клялись и подруг ревновали...
Шарманка, шарманка, тоска и тоска.

Не хочу! Надоело! Без маски глядится
В лицо мне седая мещанская жисть!
Эй, кому травяная коса пригодится,
Дешевая краска, удалая кисть!

Александр Блок.

НЕЗНАКОМКА.

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной
И раздается детский плач.

И каждый вечер за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе ко всему приученный—
Безмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен,
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
„In vino veritas!“ кричат.

И каждый вечер в час назначенный
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан шелками схваченный
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
 Всегда без спутников, одна,
 Дыша духами и туманами,
 Она садится у окна.

И веют древними поверьями
 Ее упругие шелка,
 И шляпа с траурными перьями
 И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный
 Смотрю за темную вуаль,
 И вижу берег очарованный
 И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
 Мне чье-то солнце вручено,
 И все души моей излучины
 Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
 В моем качаются мозгу.
 И очи синие, бездонные
 Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
 И ключ поручен только мне.
 Ты право, пьяное чудовище!
 Я знаю: истина в вине.

А. Самобытник.
 ДЕТСТВО.

Ребенком беспредельного простора
 Не знал я на суровой полосе...
 Любил во всей их сумрачной красе
 И трепетную травку у забора,
 И пыльную канавку у шоссе...

С обтрепанною книжкой „Донкихота“
 В кустарнике, как в солнечной норе,
 Я прятался в забытом пустыре,
 А гулкие фабричные ворота
 Меня подстерегали на заре...

И краткие ребяческие годы,
 Как ласковые взоры василька,
 Увяли в остром окрике гудка;
 Развеяли их каменные своды,
 Да рокот беспокойного станка.

Но в бурях жесткой жизненной тревоги
 Не раз припоминались мне черты:
 Печальная канавка и цветы,
 Кустарник на заброшенной дороге,
 И детские угрюмые мечты.

В. Князев.

„Многие из детей никогда не выезжали из Ленинграда. Некоторые из детей бедняков с окраин никогда не видели даже Невы“.

(Школьная статистика).

* *
*

Бедные дети столицы,
В клетках рожденные птицы,
„Никогда не видали Невы“—
Вот илотов проклятая доля:
Ни Невы, ни зеленой травы,
Ни широкого вольного поля!

О, пускай бы давила нужда
Грубых взрослых, но... дети... Проклятье!..
„Никогда, никогда, никогда
Не видали мы леса, о братья!

За годами проходят года,
Меркнут краски, туманятся дали;
Никогда, никогда, никогда
Мы цветущих лугов не видали,
Да и... вряд ли увидим когда!“

Никогда, никогда, никогда!—
Вот поистине страшная доля.
Ни задумчивых ветел пруда,
Ни небес неоглядного поля,
Ни цветов, ни простора его —
Ничего, ничего, ничего!

В. Князев.
ОБВОДНЫЙ КАНАЛ.

Песня проститутки.

Не ходи ты в трактиры богатые,—
Ты пойдешь на зловонный бульвар,
Где безносые жабы брюхатые,
Продают свой дешевый товар.

Подавивши на миг отвращение,
Загляни в глубину их очей...
Где ж былое твое возмущение,
Обличитель кошмарных ночей?

Ты молчишь. Ты стоишь, как окованный;
Позабывта недавняя роль.
И в душе твоей, тяжело взволнованной,—
Смертный ужас и смертная боль.

Что вы сделали с этою женщиной!
Вы, собранье бездушных калек!
О, когда б то был призрак изменчивый...
Но ведь это—живой человек.

Понимаешь: живой!..

Как мучительно
Должен чувствовать, сброшенный, он,
Что нигде он,—нигде, положительно,—
Не найдет для себя оборон.

Жизнь окончена. Сломаны—связаны
Два могучих,—когда-то—крыла;
Все пути-переходы заказаны,
И одна лишь дорога цела,—
На бульвар.

В. Князев

Вторая песнь проститутки.

Я, девочка гулящая,
Кучу раз пять на дне:
Работа настоящая
Претит до смерти мне.

Я никого не трогаю,
Не мучу никого:
Иду своей дорогою
И больше ничего...

„Дорога та опасная:
К злой проруби ведет“.
Я—девочка согласная;
Под лед? Ну, что ж, под лед.

„Дорога та тяжелая:
Печаль несет она“.
Я—девочка веселая:
Печаль мне не страшна.

„Увянешь раньше времени;
Поможет ли родня?
Да я—без роду-племени;
Подкинули меня...

„Исчезнет юность шумная;
Чем воскресишь ты грудь?“
Я—девочка разумная:
В аптеку знаю путь.

„Лекарства... Ах, аптекой ты
Злой не рассеешь сон!“
Зачем лекарства?.. Экой ты!..
Эссенции флакон.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ

ГОЛОСА ФАБРИК и ЗАВОДОВ

А. М а ш и р о в (Самобытник).

МАШИННЫЙ РАЙ.

Весь овеянный цветами, солнцем, воздухом росистым,
Ты мне шепчешь умиленно про былинный сонный
край,—

Но в ответ поет мне властно с гордым грохотом
и свистом

Мой любимый, мой железный, мой родной, машинный
рай.

Лишь в моих гудящих сводах храм мечты безумно-
смелой;

Все во мне живет и дышит; тронь колдующий рычаг,—
И под властною рукою загремит стальное тело,
Грудью черною, голодной песнью творчества рыча...

Что мне древние поверья, расписные небылицы,—
В непрерывном достиженьи я творю живой рассказ.
Захочу—и к солнцу смело воспарят стальные птицы;
Захочу—и ком железа засверкает как алмаз.

Захочу—по дну морскому загремит язык железный,
Мир неведомый встревожит сетью звонких проводов...
И, по рельсовым извивам, прогремев над самой
бездной,

Из тропического зноя переброшу в царство льдов.

Не моей ли силой в башне бьют жемчужные фонтаны?
 И горят и блещут зори от заката до утра?
 И морей седые волны взбороздили великаны?
 Грудь разрезана земная до вулканного нутра?
 Не на мне ль чело сияет ослепительного века,
 И на нем горят три солнца—три закона естества?
 — Сила древняя природы, труд упорный человека,
 И его горящий разум—светлый разум божества?
 Торжествуй, греми победно, возрожденная природа,
 Славь железного Мессию, новых дней богатыря!
 В этих сумрачных ладонях — безграничная свобода;
 В этих мускулах железных—человечеству заря.

А. Безыменский.

Я.

Из солнцеземляки и стали я скован;
 Отец мой—безликий, космический зодчий.
 Во чреве заводов, под сердцем станковым
 Я зачат и выношен. Я. Рабочий.

Мой первый жест—был взмахом лома,
 Мой первый взгляд—лицом зари,
 Мой первый крик—ударом грома,
 Предвозвестившим Октябри.

.....
 Это я все тело земное
 Охватил и держу руками.
 Это я обжигаюсь зноем
 В Сахаре, вскормленный песками.

Это я в снегах коченею,
 Где веками—лишь бури выли.
 Это я рубли и гинеи,
 Доллары и франки вылил.

Вижу все я, миллионноглазый,
 Знаю все, молодой и старый,
 Я шагаю везде и сразу
 По всему земному шару.

На земле, в земле, над землею
 Все стучит сердцами моими,
 У Вселенной сердце живое—
 Это я,—Рабочий мне имя.

.....
 Слушай, жизнь! Получай-ка! Вот тебе!
 Я тебя разбужу от сна.
 Наступила моя весна,
 Наступила вселенская оттепель.

Твои ржавые цепи расторгнуты,
 Пораздвинулась крыша небес,
 Приподнялся тяжелый пресс
 Под моей рукой полусогнутой.

Получи, получи же, вот тебе!—
 Я тебя растолкаю от сна.
 Наступила, пришла весна,
 Наступила вселенская оттепель.

Из солнцеземляки, из стали я скован.
 Отсек я Былое, схватив его космы.
 Во чреве заводов, под сердцем станковым
 Я зачат и выношен. Вырос же—в Космос.

Илья Ионов.

НА ЗАВОДЕ.

Взметнулись к потолку стальные лапы кранов,
 На тросах приподняв готовый паровоз,—
 И, кажется, сейчас взлетит он, гордо канув
 В сплетеньях галлерей, приводов и колес.

Горят холодных солнц бесчисленные дуги,
 На бронзе мускулов рождая бликов рой...
 И плавны, и легки, как рати древней струги,
 Вагранки носятся пылающей змеей.

У рельс, как муравьи напружась, копошатся
 Чудес невиданных бесстрашные творцы...
 И руки крепкие уверенно ложатся
 На черных рычагов горячие концы.

Великий, вечный труд! Хвала тебе, омывший
 Росой своею нас в горниле заводском,
 И властною рукой в одно биенье сливший
 И сердца тихий стук и наковальни гром!

Быть может, кто-нибудь под тяжестью удара
 Падет средь грохота и говора станков,—
 Но тем дружнее мы усилим мышц и пара
 В земное претворим узоры пышных снов.

Под пенье острых сверл и свист локомотивов
 Мы труд упорный наш согласно доведем
 До той поры, когда под звук иных мотивов
 По новому пути мы к новому пойдём.

С. Горбатов.

ГУДКИ.

Гремит по каменным ступеням
 Рабочих синеглазых рать.
 Маховики с могучим пеньем
 Друг друга рвутся перегнать.

А трубы спорят с небосводом,
 Стоят, как ряд богатырей.
 Сталелитейные заводы
 Зовут отряды слесарей.

Гудки дробятся медью звонкой,
 Клубятся в радостном бегу:
 Бегут вдогонку-вперегонку
 От Ленинграда до Баку.

Призывы-гимны разливные
 На фронте мирного труда,—
 Поют, гудят гудки стальные
 В республиканских городах.

Михаил Голодный.

О МАШИНЕ.

Точно чувствуя под пальцами мозоли,
 Нежно щупая мой пульс под рукавом,
 Мне машина поведала о боли,
 О горе негаданном своем.

Задыхаясь в гулком разговоре,
Говорила грохотами мне:
— Я подслушала, я знаю, у конторы
С мастером шептался инженер...

Будто я негодная машина,
Что я нынче вам не по нутру;
Будто ты электро-хворостиной
Засечешь меня до смерти поутру...

Я молчал и, думая, не слушал,
Ветер тоже приумолк от дум,
А машина жалобней и глуше
Задыхалась в огненном бреду.

Но глаза не просочили жалость,
Только грусть очнулась с полусна,
Только сердце чуяло и знало
Боль твою, железная сестра.

Надежда Павлович.

РАБОТНИЦА.

Встать по гудку и скорей за станок!
Ходит и ходит и вьется челнок.
Ткань вырастает, как розовый сад,
Ремни тугие, как пчелы жужжат.

Солнце упало на косы твои,
Плещут в окно голубые ручьи,
Ты за станком—молодая весна,
Неукротима, легка и вольна.

Вражие пули тебе не страшны.
— Пуля ударит ли в сердце весны?
Черные ночи тебе не страшны—
Звезды свои у тебя зажжены.

Эта рука и сильна и нежна,
Крепкие ткани соткала она.
Эти глаза не боятся смотреть,
Эти уста—улыбаться и петь.

Сергей Малахов.

МЫ.

Рабочим.

Когда Москва в раскатах Октября
Взмела знамен алеющие воды,
В своих стихах молитвенный обряд
Мы заменили грохотом завода.

И женские цветущие глаза,
Что над станком томительно устали,
В своих стихах сумели пронизать
Расплавленными отблесками стали.

Своих подруг не ждем в чаду ночей
В томящем шелесте брюссельских белых кружев,
Они мелькают в зареве печей,
Девические мускулы напряжив.

У нас заря мешки тяжелой тьмы
Кладет на плечи также спозаранку,
А наше солнце, так же как и мы,
Ворочает тяжелую болванку.

Колесным стуком тараторит шаг:
 Так много нас, но все мы вместе слиты,
 И наши песни, так же как душа,—
 Один сияющий огромный слиток.

И наши строки—длинный мерный ряд,
 Поющие, гуляющие провода:
 В своих стихах молитвенный обряд
 Мы заменили грохотом завода.

С. Обрадович.

ЗАВОД.

I.

Полгода, скованный покоем
 И холодом бетонных стен,
 Молчал с глубокою тоскою
 Над ржавчиной железных тел.

И дни брели глухой походкой
 По настороженной земле.
 Манометр цепенел над топкой
 На холодеющем нуле.

Лишь тишь машин, заводской глушью
 Прохаживаясь не спеша,
 Будили стуком колотушек
 Полуночные сторожа.

Стоял суровый, многодумный,
 Покорный году, нем и глух...
 Все чаще над станком бесшумным
 Стальные сети вил паук...

II.

И вот однажды, в день весенний,
 Запоры сбросила рука,
 И, с свистом взвизг, приводы вспенила
 Победный бег маховика.

Полгода, голодом и мором
 Был обессилен, мертв и... вдруг—
 Гудят моторы за мотором
 Под взмахами сердец и рук.

Вновь огненные рельсы режут
 Зубами пил и там и тут;
 И там и тут под крик и скрежет
 В поту, в чаду, куют-куют...

Чугунные дрожат стропилы:
 Был с каждым взмахом крепче взмах;
 И о победе пели пилы
 И над вагранками меха
 Поддакивали впопыхах...

Вновь полон неуемным звоном,
 Над знойным гулом площадей
 И над вздыхающим бетоном,
 Был улыбающийся День.

Раскованный рукою жаркой,
 Завод, сжигая немощь лет,
 Встал торжествующий и яркий
 Весенним солнцем на земле...

Илья Садофьев.

В ЗАВОДЕ.

Я сегодня лишь почувствовал, сегодня лишь узнал,
Здесь, в заводе, каждодневно шумный праздник,
Карнавал.

Каждодневно, в час урочный, пара пеньем—при-
глашеньем,

Гости в праздничном наряде, звон и грохот, танцы,
пеньем...

Звон и грохот звучно-мерный,—говор звуками без слов.
Танец стройный и ритмичный хмельно-радостных
шктивов.

В танцах юности стремленья, вольность, Вечное
Движеньем...

В звуках тайны мировые, в звуках Мудрости Реченья.
В песнях Бодрость, Вдохновенье, пламя Веры, Зов
и Гнев.

О, как сладко слушать этот бурно-пламенный напев!

Люди в блузах понимают их Реченья и Призывы...
Люди в блузах, — как Титаны гордо-строги, мол-
чаливы.

В их Молчаньи скрыта Мудрость, Сила, Творческая
страсть,

А в движеньях—Крепость стали, Непреклонность,
Воля, Власть.

Каждодневно быть в заводе, быть в заводе—насла-
жденье...

Понимать язык Железный, слушать Тайны Откро-
венья.

У машин, станков учиться буйной силе—Разрушать.
Ярко-новое, другое, непрерывно созидать.

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ

ГОЛОСА ВОССТАНИЙ

1. НЕВОЛЬНИЧЬИ.

Н. Гумилев.

АБИССИНСКАЯ НЕВОЛЬНИЧЬЯ ПЕСНЯ.

По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели,
И выходит из шатра европеец,
Размахивая длинным бичом.

Он садится под тенью пальмы,
Обернув лицо зеленой вуалью,
Ставит рядом с собой бутылку виски
И хлещет лентящихся рабов.

Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стеречь его мулов,
А вечером есть солонину,
Которая испортилась днем.

Слава нашему хозяину европейцу,
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич.

Слава нашему хозяину европейцу,
Он храбр, но он недогадлив,
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом.

Н. Тихонов.

САМИ.

1.

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стэком,
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет: спасибо;
Сами греет для бритвы ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами—
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом,
Ноги мальчика по базарам
Все уверенней год от году.

2.

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра,
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою нету.
И пришлось для бритвы ему тазик
Поручить разогреть другому,

И чего не случилось ни разу—
Мул некормлен вышел из дому.

3.

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.
Синяка круглолобая глыба
Сияла как на золоте проба
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
— Где ты был, павиан бесхвостый?—
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
— Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше,
Без дорог заблудился в долинах,
Как котенок слепой на крыше.
— Ты рожден, чтобы быть послушным,
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшной,
Я властитель твой, обезьяна.

4.

— Тот далекий живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди—Ленин.
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом
И совсем не дерется стэком.

Сами—из магражского рода,
 Но свой род для него уронит,
 Для бритвы будет греть ему воду,
 Бегать с почтой, чистить его пони,
 И за службу даст ему Ленин
 Столько мудрых советов и рупий,
 Как никто не давал во вселенной,—
 Сами всех Сагибов погубит.

5.

— Где слышал ты все это, несчастный?
 Усмехнулся Сами лукаво:
 — Там, где белым бывать опасно:
 В глубине Амритсарских лавок.
 У купцов—весь мир на ладони,
 Они знают все мысли судра,
 И—почем в Рохилькенде кони,
 И какой этот Ленин мудрый.
 — Уходи,—сказал англичанин,
 И Сами ушел с победой,
 А Сагиб заперся в своей спальней
 И не вышел даже к обеду.

6.

А Сами стоял на коленях,
 Маленький, тихий и строгий,
 И молился далекому „Ленин“,
 Непонятному, как иоги,
 Чтоб услышал его малые просьбы
 В своем городе, до которого птице
 Долететь не всегда удалось бы,
 Даже птице — быстрее зарницы.
 И она бы от дождей размокла,

Слон бежал бы и сдох от бега,
 И разбилась бы в бурях, как стекла,
 Огненная Сагибов телега.

7.

Так далеко был этот Ленин,
 А услышал тотчас же Сами,
 И мальчик стоял на коленях
 С мокрыми большими глазами.
 А вскочил легко и проворно,
 Точно маслом намазали бедра,
 Вечер пролил на стан его черный
 Благовоний полные ведра.
 Будто снова он родился в Амритсаре,
 И на этот раз человеком,
 Никогда его больше не ударит
 Злой Сагиб своим жестким стэком.

II. ПРИЗЫВЫ.

Валерий Брюсов

Из поэмы „ЗАМКНУТЫЕ“.

За городом был парк, развесистый и старый,
 С руиной замка в глубине;
 Там тайно в сумерки ходили пары
 „Я вас люблю“ промолвить при луне.
 В воскресный летний день весь город ратью чинной
 Сходился там дышать и отдохнуть,
 И восхищались все из года в год руиной
 И ряд за рядом совершали путь.
 Им было сладостно в условности давнишней
 Казались сочтены движенья их;
 Кругом покой аллей был радостен и тих,
 Но в этой тишине я был чужой и лишний;
 Я к пристани бежал от оскорбленных лип,
 Чтоб сердце вольностью хотя на миг растрогать,
 Где с запахом воды сливал свой запах деготь,
 И мачт колеблемых был звучен скрип.
 О, мачты! Я любил ваш неумолчный скрип,
 Такой же, как в былом, дошедший из столетий,
 И на больших шестах растянутые сети,
 И лодки с грузом серебристых рыб.

Любил я моряков нахмуренные взоры
 И строгий голос их, иной чем горожан:
 Им душу сберегли ревнивые просторы,
 Их сохранил людьми безлюдный океан...
 Там было мне легко. Припавши на боченок,
 Я забывал тюрьму меня обставших дней,
 И облака следил, как радостный ребенок,
 И волны пели мне—все громче, все внятней,
 И ветер с ними пел, и чайки мне кричали,
 Что было вокруг меня,— все превращалось в зов,—
 И раскрывались мне торжественные дали,
 Пути, где граней нет, простор без берегов.

Песня моряков.

Вас много, замкнутых в неволе,
 В стенах, в условностях, в любви,—
 Будь властелин свободной доли,
 И каждый миг—живи, живи.

Твоя душа—то ключ бездонный:
 Не закрывай стремящих уст!—
 Едва ты встанешь, утоленный,—
 Как станет мир и сух и пуст.

Так сделай жизнь единой дрожью,
 И сердцу смолкнуть не позволяй;
 Упейся истиной—и ложью,
 Люби восторг, люби и боль.

Свобода жаждет самовластья,
 И души черпает до дна:
 Едва душа вздохнет от счастья,
 Она уже отрешена.

В. Маяковский.

Из поэмы „ВОЙНА И МИР“.

Не поймешь,
 это воздух,
 цветок ли,
 птица ль.
 И поет,
 и благоухает,
 и пестрое сразу,—
 но от этого
 костром разгораются лица,
 и сладчайшим вином пьянеет разум.
 И не только люди
 радость дичью
 расцвелили,
 звери франтовато завили руно;
 вчера бушевавшие
 моря,
 мурлыча
 легли у ног.
 Не поверишь,
 что плыли,
 смерть изрыгая, они.
 В трюмах,
 навек забывших о порохе,
 броненосцы
 провозят в тихие гавани
 всякого вздора яркие ворохи.
 Кому же страшны пушек шайки
 эти,
 кроткие,
 рвут.

Они
 перед домом,
 на лужайке,
 мирно щиплют траву.

Смотрите,
 не шутка,
 не смех сатиры
 среди бела дня,
 тихо,
 попарно,
 цари задиры
 гуляют под присмотром нянь.

Земля,
 откуда любовь такая нам?
 Представь —
 там
 под деревом
 видели
 с Каинном
 играющего в шашки Христа.

Не видишь,
 прищурилась, ищешь?
 Глазенки шелки две.
 Шире!
 Смотри,
 мои глазища
 всем открытая собора дверь.
 Люди
 любимые,
 нелюбимые,
 знакомые,
 незнакомые
 широким шествием излейте в двери те.

И он
свободный,
ору о ком я,
человек
придет он,
верьте мне,
верьте.

П. Арский.

ПЕСНЯ ДИНАМИТА.

Взрывая горные громады,
Корчуя дебри и леса,
На бой зовем мы силы ада,
На бой зовем мы небеса.

Пожаром светлого восстанья
Мы опояшем шар земной...
Мы вырвем из цепи страданья
Дух человеческий больной.

Мы все взорвем, мы все разрушим,
Мы все с лица земли сотрем...
Мы солнце старое потушим,
Мы солнце новое зажжем.

Мы, дети мудрости суровой,
Мир новый к солнцу вознесем,
Скрепим фундамент жизни новой
Не кровью братской, а огнем.

Над темной бездной мирозданья
Построим крепкие мосты,
Воздвигнем солнечное зданье
Любви, добра и красоты..

Владимир Кириллов.

ЖЕЛЕЗНЫЙ МЕССИЯ.

Вот он—спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме несметных стальных машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали,—явится в солнечных ризах,
В ореоле божественной тайны,—
А он пришел к нам в дымах сизых
С фабрик, с заводов, окраин.

Думали,—явится в блеске и славе,
Кроткий, благостно-нежный,—
А он, подобно огненной лаве,
Пришел многоликий, мятежный...

Вот он шагает чрез бездны морей,
Стальной, непреклонный, стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.

Где прозвенит его властный крик,—
Недра земные вскрываются,
Горы пред ним расступаются в миг,
Полюсы мира сближаются.

Где пройдет—оставляет след
Гулких, железных линий,
Всем несет он радость и свет,
Цветы насаждает в пустыне.

Новое солнце миру несет,
Рушит троны, темницы,
К вечному братству народы зовет,
Стирает черты и границы.

Знак его алый—символ борьбы—
Угнетенных—маяк спасительный.
С ним победим мы иго судьбы,
Рай завоюем пленительный.

Бальмонт.

СКИФЫ.

Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога...
Бросив замок Ольвийский с его изваяньями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага.

Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи
От востока на запад молитвенным светят лучом.
Только богу Войны темный хворост слагаем мы в
кучи,

И вершины тех куч украшаем железным мечом.

Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагрянем,
И бесстрашно насытим мы алчные души свои.
И всегда на врага тетиву без ошибки натянем,
Напитавши стрелу смертоносной жолчью змеи.

Налетим, прошумим, и врага повлечем на аркане.
Без оглядки стремимся к другой непочатой стране.
Наше счастье—война, наша верная сила—в колчане;
Наша гордость в незнающем отдыха быстром коне....

А. Блок.

СКИФЫ.

Мильоны—вас. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте сразиться с нами.
Да, скифы мы. Да, азнаты мы
С раскосыми и жадными очами.

Для вас—века, для нас единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас—
Монголов и Европы.

Века, века ваш старый горн ковал,
И заглушал грома, лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона и Мессины.

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плава наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок
Когда наставить пушек жерла.

И срок настал. Крылами бьет Беда,
И каждый день обиды множит.
И день придет—не станет и следа
От ваших Пестумов, быть может.

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,—
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред сфинксом с древнею загадкой.

Россия—сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью.

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит.
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет и губит.

Мы любим все—и жар холодных числ,
И дар божественных видений.
Нам внятно все—и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним все—парижских улиц ад
И венецьянские прохлады,
Лимонных роцц далекий аромат
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть—и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных лапах!

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И умирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья.
Пока не поздно—старый меч в ножны!
Товарищи! Мы станем—братья.

А если нет—нам нечего терять,
И нам доступно вероломство.
Века, века вас будет проклинать
Больное, позднее потомство.

Мы, широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся. Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей.

Идите все, идите на Урал.
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою.

Но сами мы отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами.
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не тронемся, когда свирепый Гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить...

В последний раз—опомнись, старый мир!—
На братский пир труда и мира
В последний раз на светлый, братский пир
Сзывает варварская лира.

Н. М. Языков.

ПЛОВЕЦ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья. Ветром полный
Парус мой направил я;
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья.

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря,—мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья. Туча грядет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет.

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой...
Смело, братья! бурей полный,
Прям и крепок парус мой.

А. Крайский.

БЕЗ ОСТАНОВОК.

Разрезая пылающей грудью черную тьму,
Грохотом,
Свистом,
Шипеньем
Тревожа молчанье холодных полей,
Как вызов,
Как пламенный вызов
В бездонное небо—снопы красных искр,
Он мчится. Железный гигант.

Из мрака,
Из бездны,
Как вихрь.

Эй, машинист!
Крепче сжимай регулятор.
Эй, кочегар!—
Еще угля в железную глотку котла,—
Остановки не будет.
За тендером грузным, как звенья цепочки сцепи-
лись вагоны,
Блестящей змеею светящихся окон пугают холодную
ночь,

Гудят в ожиданьи:
Покажется город гигантский,
Тот Город, куда с нетерпеньем стремятся они,
Тот Город, куда их могучей рукою ведет
Машинист.

Еще, еще угля в утробу железную!

По стрелкам гремя,
Мимо станций,
Без остановок,
Мчись, железный гигант!
Без остановок.

Не хватит воды—
Мы собственной кровью наполним котел;
Не хватит угля—
Телами накормим железную глотку,
Вперед!

Горизонт побледнел...
Там, во тьме беспроглядной, ласкающий свет пока-
зался,

Растет...
 Все шире,
 Все ярче...

Это город виднеется,
 Это он льет сиянье огней.
 От пламенных глаз паровоза к нему протянулись лучи,
 Как братья
 Они обнялись с огнями желанного города,
 Наш поезд и он,—
 Мы—одно.

Мчись, железный Гигант.
 Удваивай бешеный темп саженных колес,
 Мгновенье еще—
 Мы у цели...
 Быстрее,
 Быстрее,
 Вперед!..

Иван Филипченко.

ПРАЗДНИК СОЛНЦА.

Медь надменная,—не клетоты орла,
 Бронзы брань,—не звон призывный,
 Переливный,
 Колоколен не гудят колокола,
 Оковала гул металла ночи мгла.
 Бубны бьют
 И трубят трубы,—
 Звуки вольны, остры, грубы,
 Клубы вьют, живые клубы,

Звон куют, восторг куют.

Трубят трубы,
 Вьются флаги, точно огненные гривы,

Ветер зыбит,
 Ветер кромсает их буйные порывы
 В час багряный, когда мрак отвсюду выбит,
 Мир на праздник встал любовно и красиво.

Клич гремит—сомкнуться, слиться,
 Морем масс, в себя влюбленных,
 Опьяненных, исступленных,
 По полям, лугам разлиться.

Эй, трудящиеся толпы, величавы и пестры,
 Там воочию,
 Там нам ночью
 Заблестят небес костры,
 Дрогнут груди страстной мочью, опускаясь на ковры.

В сердце солнце нам стучит.
 Солнце встало, солнце встало,—
 От велика и до мала,
 Всех согреет, олучит,
 Как бывало.

Всюду зелень, солнце юга,
 Всюду золото,
 Всюду золото,
 Брат за брата,
 Друг за друга, друг за друга.

Так скликайтесь,
 Так смыкайтесь,
 Для веселья, для игры,—
 В русло улиц на асфальты
 Нас певцы, баяны, скальды

Поведут на луг, в шатры,
 На просторы,
 Тешить взоры,
 На траве свершать пиры.

Н. Семенов.

ДУДКА.

Встретил я его, встретил недавно,
 Где-то там, возле Череповца...
 Он пастух, парень очень славный,
 Он не помнит ни мать, ни отца.

На зеленых коврах раздолье,
 Голубая шапка небес.
 Так и дышится здесь Комсомолией,
 Комсомольская радость здесь.

Но вот в этом раздолье, просторе,
 Встретил этого парня я.
 Пела дудка его о горе,
 Что когда-то терпела земля.

Поглядеть—так простая дудка,
 И цена-то всего ей—грош.
 А зальется—цветут незабудки,
 И серебряный брызжет дождь.

А зальется, так память былое
 Режет тысячью острых ножей,—
 Произвол и насилие злое,
 Звон цепей похороненных дней.

Иль вот дудка уныло, тягуче
 Заливается: „Ухнем, да, ух...“
 Вижу я вот под солнцем жгучим,
 Бичеву тянут тысячи рук.

Иль вот дудка так бодро, смело
 „Варшавянкой“ бросает вперед.
 За рабочее, вижу, цело
 За заводом встает завод.

Слышу—рупор—стальная глотка,
 Вижу—Ленин у рупора встал,
 Пулеметы, казацкие плетки,
 А за ними—Сибирь и Централ.

Не смолкает, упорствует глотка,
 Режет черную даль кумачем.
 Ровной поступью, мерной походкой,
 Мы идем, мы идем с Ильичем...

Дудка пела о том, что поле
 Побраталось с заводом вчера,
 Что фабрично-мужичкою волей
 Стала фабрика—полю сестра.

В. Александровский.

Д Н И.

Есть дни—отточенные временем ножи,
 Готовые вонзиться в наши спины,
 Тогда, товарищи,—удвоенный нажим,
 Тогда, товарищи,—да будет путь единый.

Мы, сжавшие в мозолистых руках
 Лопаты, рычаги, стамески, пилы,
 Открыли верный путь в горящие века,
 Векам минувшим вырыли могилы.

Пусть прошлое не держится за нас,—
 Оно не выдержит железного стремленья,
 Вчерашний день безжизненно погас
 Под тихий стон рассыпавшихся звеньев...

Бейте же в стену времен
 Молотом, грудью, лбом,
 Больше кровавых знамен —
 Меньше плетей над рабом...

Что нам до воя пурги,
 Что нам циклон и метель!
 Тверже, упорней шага, —
 Ближе заветная цель.

Слышать, что сталь говорит,
 Видеть другое плечо,—
 Только тогда забурлит
 Жизнь огнеструйным ключом!

Есть дни—отточенные временем ножи,
 Готовые вонзиться в наши спины,
 Тогда, товарищи,—удвоенный нажим,
 Тогда, товарищи,—да будет путь единый...

А. Безыменский.

Из поэмы „КОМСОМОЛИЯ“.

Эй, не зевай.
 Запевай!

Каждый, встает
 Песню несет.

Песня.
 Кто ж о тебе поет?..

Песня. В сердце жилища.
 Влезла куда-то вглубь,
 Возится там, копошится,
 Не уставая стремиться
 В двери смеющихся губ.

Песня не только лучик.
 Песня—костер в пути.
 С нею трудиться лучше,
 Легче на бой итти!

Песня и мы... И что же?
 Разве не были всегда
 Думы о молодежи
 Радостной песней Труда?

Дума о смене лечит
 Язвы и боль пути.
 С нею трудиться легче,
 Легче на бой итти.

Спаяны кровью одною,
 С песнею слились юнцы.
 Песня и мы—родное.
 Песня и мы—близнецы.

Влад. Кириллов.

МОЛОДОЙ ГВАРДИИ.

Бурями смятый, измолотый
 Молотом тяжких лет,
 Тебя окликаю, молодость,
 Тебе, молодежь, привет.

Буен, размашисто-звонок
 Дней раскованных бег,
 Мир распахнул спросонок
 Радугу—путь для всех.
 В прошлом плелись закоулками;
 Там, что ни шаг, овраг.
 Звонами мерными, гулками
 Ваш раздается шаг.
 Прошлое насмерть заколото,
 Новому сказано: быть
 Солнечно, весело, молодо!—
 Дряхлое все в гробы.
 Юношам пенные, полные
 Чаши кипящих дней,
 Девушкам алые молнии
 В шолк шаловливых кудрей.
 Смейтесь весенним гомоном,
 Плавьте последний лед,—
 Все, что томило, сломано.
 Молодежь, выше взлет!
 Книгою, циркулем, молотом
 Бей лихолетье лет!
 Тебе эта песня, молодость,
 Тебе, молодежь, привет.

С. Третьяков.
 МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ.

Железными резервами
 Мы выросли везде,
 Клянемся, будем первыми
 В строю, в бою, в труде.

Врагов труда валить в размол
 Вставай, всемирный Комсомол!
 Мы—Молодая Гвардия—
 Непобедимый стан.
 Мы—Молодая Гвардия
 Рабочих и крестьян.

Мы знаем цену пота,
 Неволи и пинка;
 Мы выросли, работая
 У плуга и станка.
 Мы—Молодая Гвардия—и т. д.

Над каждую трущобую
 Наш вольный зов звенит,
 Упорною учебною
 Грызём наук гранит.
 Мы—Молодая Гвардия—и т. д.

Не нам бояться боя,
 Винтовка нам родня.
 Ведём мы за собою
 Всемирный молодняк.
 Мы—Молодая Гвардия—и т. д.

Когда же мир расколется,
 Рванет команда в строй:
 Сомкнутся комсомольцы,
 В шеренги — брат с сестрой.
 Мы—Молодая Гвардия—и т. д.

Версальское базарище
 Давно пора в трубу.
 Германские товарищи—
 Штыком решай борьбу.
 Мы—Молодая Гвардия—и т. д.

Окончены дискуссии.
 В руке винтовку сжав,
 От Бадена до Пруссии
 Жги порох мятежа.
 Мы—Молодая Гвардия—и т. д.

Настали дни восстания,
 Пора хрустеть костям.
 Да здравствует Германия
 Рабочих и крестьян.
 Мы—Молодая Гвардия—и т. д.

В. Князев.

ПЕСНЬ КОММУНЫ.

Нас не сломит нужда,
 Не согнет нас беда,
 Рок капризный не властен над нами.
 Никогда, никогда;
 Никогда. Никогда
 Коммунары не будут рабами.
 Все в свободной стране
 Предоставлено мне,
 Сыну фабрик и вольного луга;
 За отчизну свою
 Кровь до капли пролью,
 Оторвусь и от книг, и от плуга.
 Пусть британцев орда
 Снаряжает суда,
 Угрожая Руси кандалами,—
 Никогда, никогда;
 Никогда. Никогда
 Коммунары не будут рабами.

Славен красный наш род,
 Жив свободный народ—
 Все идут под знамена Коммуны.
 Гей, враги у ворот!
 Коммунары вперед—
 Не страшны нам лихие буруны.
 Враг силен. Не беда,—
 Пропадет без следа,
 Коли жаждет господства над нами!
 Никогда, никогда;
 Никогда. Никогда
 Коммунары не будут рабами.

Коль не хватит солдат,
 Старики станут в ряд,
 Будут дети и жены бороться;
 Всяк боец—рядовой,
 Сын семьи трудовой,
 Все, в ком сердце мятежное бьется.
 Нас не сломит нужда,
 Не согнет нас беда,
 Рок капризный не властен над нами.
 Никогда, никогда;
 Никогда. Никогда
 Коммунары не будут рабами..

Н. Асеев.

КУМАЧ.

Красные
 Зори—
 Красный
 Восход,

Красные
Речи
У Красных
Ворот,
И Красный
На площади Красной
— Народ.

У нас пирогами
Изба красна,
У нас над лугами
Горит весна.
И красный кумач
На красных руках,
И сходим с ума
О красных губах.

И в красном лесу
Бродит красный зверь,
И в эту красу
Прошумела смерть.
Нас толпами сбили,
Согнали в ряды:
Мы красные в небо
Врубили следы.

За дулами дула,
За рядом ряд,—
И полымем сдуло
Царей и царят.
Гляди ж, дозируя,
Веков Калита:
Вся площадь до края
Огнем налита.

Краснейте же, зори,
Закат и восход,

Краснейте же, души,
У Красных ворот,
Красуйся над миром,
Мой красный
— Народ!

А. И. Полежаев.

ПЕСНЬ ПЛЕННОГО ИРОКЕЗЦА.

Я умру. На позор палачам
Беззащитное тело отдам.
Равнодушно они
Для забавы детей
Отдирать от костей
Будут жилы мои.
Обругают, убьют
И мой труп разорвут.
Но стерплю. Не скажу ничего,
Не наморщусь чела моего,
И как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Неподвижен и смел
Встречу миг роковой,
И, как воин и муж,
Перейду в страну душ.
Перед сонмом теней воспою
Я безстрашную гибель мою.
И рассказ мой пленит
Их внимательный слух,
И воинственный дух
Стариков оживит;
И пройдет по устам
Слава громким делам.

И рекут они в голос один:
„Ты—достойный прапрадедов сын“.

Совокупной толпой
Мы на землю сойдем,
И в родных разольем
Пыл вражды боевой.
Победим, поразим,
И врагам отомстим.

Я умру. На позор палачам
Беззащитное тело отдам.
Но, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Я—недвижим и смел—
Встречу миг роковой.

Сергей Нельдихен.

ОРГАН МНОГОГОЛОСЫЙ.

Орган выдыхает круглый воздух,
Гобои, фаготы, флейты, кларнеты,
Пастушеские свирели, деревенские гармоники,
Арфы и литавры...
Сосновый лес, деревни, ручьи, весна, облака, солнце...
Взбудоражился воздух во всей зале,
В углах, в окнах, под потолком загудел,
Задвигался в моей сжатой ладони, щекочет кожу,
Расширился внутри меня, давит на легкие...
Отныне только слабонервные старцы
Пусть слушают скрипок пискливый скрип.
Завтра же издам пятисотстрочный декрет:
Все, кому еще тридцать лет не минуло,

Обязаны с восходом солнца собраться в церквях
И вынести оттуда на руках органы,
Установить их на стеклянных пьедесталах
Посреди городских площадей и лесных полян;
Каждый вечер, каждый праздничный день,
В послерабочее время,
Все должны выходить на площади и в леса
На общенародные гулянья,
И когда завздыхают органы,
Всякий почувствует себя свободным и сильным,
Здоровым, простым и бессмертным;
Если церковные окажутся тихими,
Прикажу выстроить органы новые,
Подобные старинным колонным соборам...
Средневековые хитрые папы,
Чтобы церкви свои назвать божественными,
А себя апостольскими преемниками,
На хорах церковных ставили органы.
Я не желаю называться преемником апостолов,
Поклянусь, что никого не хочу обманывать,
Я ставлю органы на площадях и полянах,
Чтоб всякий увидел себя сидящим на облаках...
Уверен—Иисус тоже любил все величественное,—
Для себя он избрал имя сына божьего,
— В его время слово бог было символом всего са-
мого величавого.—
Иисус был великий, но односторонний мудрец
И слишком большой мечтатель и мистик;
Если бы он был моим современником,
Мы бы все же сделали с ним многое, очень многое...
— Секретарь, бери карандаш, пиши под диктовку
декрет!..

Николай Клюев.

КРАСНАЯ ПЕСНЯ.

Распахнитесь, орлиные крылья,
Бей, набат, и гремите, грома,—
Оборвались цепи насилья
И разрушена жизни тюрьма.
Широки черноморские степи,
Буйна Волга, Урал златоруд,—
Сгинь, кровавая плаха и цепи,
Каземат и несправедный суд!

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами.
На бой, на бой!

Пролетела над Русью жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица,—
Вольный хлеб мужику уроди.
Сбылись думы и давние слухи,—
Пробудился народ-Святогор;
Будет мед на домашней краюхе,
И на скатерти ярк узор.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами.
На бой, на бой!

Хлеб да соль, Костромич и Волынец,
Олончанин, Москвич, Сибиряк.
Наша Волюшка—божий гостинец—
Человечеству светлый маяк.

От Байкала до теплого Крыма
Расплеснется ржаной океан...
Ослепительней риз серафима
Заревой Святогорев кафтан.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами.
На бой, на бой!

Ставьте ж свечи мужицкому Спасу,
Знанье—брат и Наука—сестра,—
Лик пшеничный, с бородой солнцевласой,—
Воплощенье любви и добра.
Оку Спасову сумрак несносен,
Ненавистен телец золотой;
Китеж-град, ладан Саровских сосен—
Вот наш рай вожделенный, родной.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами.
На бой, на бой!

Верьте ж, братья, за черным ненастьем
Блещет солнце—господне окно;
Чашу с кровью—всемирным причастьем
Нам испить до конца суждено.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами.
На бой, на бой!

Петр Орешин.

Из поэмы „МИКУЛИН ХОД“.

Отречемся от старого мира,
От царей, от постылых князей.
Сгинь навеки, царева секира,
С необхватных мужицких полей!

На хлебах, на скирдах голодали,
Подыхали под плетью господ.
На земле, как в тюремном подвале,
Жил великий, рабочий Народ.

Наш-то батюшка-царь на престоле
Кровь-то нашу хлестал до пьяна.
Колосись же свободная в поле,
На Руси золотая весна!

Сгиньте с вольной земли, толстосумы,
Сундуков и червонцев рабы!
Ой, красны замурудные шумы,
Клекот орлий крылатой судьбы!

Полетим мы за синее море,
Соколами закружим в зарю.
Гей, не колокол бьет на соборе,—
Молот в кол на могилу царю!

Отгремела царева секира,
На крови повалился чертог.
Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.

В. Маяковский.

НАШ МАРШ.

Бейте в площади бунтов топот!
Выше, гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
Перемоем миров города.

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог—бег.
Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пуля-оса?
Наше оружие—наши песни.
Наше золото—звенящие голоса.

Зеленью ляг, луг.
Выстели дно дням.
Радуга дай дуг
Лет быстролетным коням.

Видите—скушно звезд небу:
Без него наши песни вьем.
Эй, Большая Медведица, требуй
Чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита!..
Сердце, бей бой!
Грудь наша медь литавр.

С. Третьяков.

КОМСОМОЛ, КРЕПИ РКП РЕЗЕРВЫ!

Сегодня солнце
У нас в гостях.
Э-гей, саксонцы!
Даешь Октябрь?

Вставай в железе,
Лицо коптя.
Э-гей, Силезия!
Даешь Октябрь?

Быть нашей буре
На всех путях.
Э-гей, на Руре!
Даешь Октябрь.

Пора—виднеется
Простор уже.
Красноармейцы
Настороже!

К стене банкира!
Долой растяп!
Рабочим мира
Даешь Октябрь?

Выдержит тот, чьи крепче нервы.
Комсомол! Крепи РКП резервы.

Василий Казин.

РУКОТВОРНОЕ СЛАВОСЛОВИЕ.

Домн огонь,
Трезвонь,
Трезвонь до каления
Солнцу знойные восхваления!
Фонарные колокола,
Трезвоньте!
Красная, жаркая—попыхай хвала
На земле!
На небесах,
На горизонте!

А тебе, ветер, взвеют песню резвые про-
пеллеры

Круглым годам.
Эй, пропеллеры!
Ветру пропели вы—
Пусть гаркнет сам:
Слава морям!
Слава!
Слава морям синегрудым!

Суша!
Глубокодумная,
Слушай:
Плотную плоть твою
Воспою
Городов говором.
Громы громогромоздкие!
Долы голые,
Ваши высоты, ваши широты жаркие,
Тяжолые,

Кроме городов,
Кто?
Кто потом?
Воспоет толп толстым бетонным топотом?

В. К-ов.

ПЕРВОМАЙ.

Здравствуй, кудрявый май!
Землю весной венчай,
Радость венчай борьбой!
Юность мятежная, пой,
Здравствуй рабочий май!

Солнце, цветами вей!
Колос коммуны зрей,
Зрей наших дум посев—
Честный рабочий гнев!

Был беспощаден враг,
Бился в овраге флаг,
Песен не смели петь,
Свистом врезалась плеть..

Шествуй, свободный май!
Славься, рабочий край,
В небе, пропеллер, пой,
Крепни, последний бой.

Радио, радость пей.
Знамя победы взвей,
В сердце рабочих стран
Бей, борьбы барабан!

Труд мировой, восстань!
Солнцем единым глянь,
Громом весенним грянь!

Здравствуй, зеленый май,
Землю весной венчай,
Радость венчай борьбой,
Юность мятежная—пой!

Мих. Герасимов.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Как могуч и как чудесен
Наш бунтующий разлив!
Вспышки гроз, весенних песен
В сердцах рабочих проросли.

В каждом взоре сколько молний
Над грозной Армией Труда!
Толпы синеглазых волн
Прибоем хлещут в города.

Гудим певучим океаном,
Покинув фабрик корпуса.
Над вольным пролетарским станом
Знамен надулись паруса.

Железный, мощный, всемогущий,
Каких морей девятый вал!
Как пыль песков, волной поющей
Смываешь желтый капитал.

Единством спаянный, безбрежный,
Бушующий ураган,
Гуди и бей, прилив мятежный,
В биржи зарубежных стран.

Единый фронт, порыв единый,
Единая горит заря.
Солнце кованые льдины
Ломают в северных морях.

В день мая солнечно-чудесен
Всемирный боевой размах.
Как много музыки и песен
Журчит в разлившихся волнах!

III. ШАГ РЕВОЛЮЦИИ.

Э. Верхарн.
„ВОССТАНИЕ“.

Улица быстрым потоком шагов,
плеч и рук, и голов
катится, в яростном шуме,
к мигу безумий,
но вместе—
к свершеньям, надеждам и мести.

Улица грозная, улица красная,
властная,
в золоте пышном заката,
в зареве ярком, окрасившем твердь.
Вся смерть
встала в призывах набата.
Вся смерть,
как ожившие диких мечты,
встала в огнях и неистовых криках.
Головы чьи-то на пиках—
словно на стеблях цветы.

Гулы глухие орудий
(кашель чугунный безжалостных грудей)
мерят печальные вздохи менту.

Циферблаты разбиты на башнях высоких,
не льется на площади ровный их свет
(словно очи столицы смежили ресницы);
времени более нет
для сердец, опьяненных, жестоких,
для толпы, совершающей суд.

Ярость великая с пламенным ликом,
с радостным криком,
с кровью, бушующей в жилах,
встала на груди камней.
Все она может, все она в силах.
Одно лишь мгновенье
даст более ей,
чем целых веков тяготенье.

Все, что мечталось когда-то,
что гении, в песне крылатой
провидели в темной дали,
что в души, как сев, западало,
чем души, как травы, цвели,—
все встало
в миге, смешавшем, как сплав,
ненависть, силу, сознание прав.

Люди празднуют праздник кровавый,
люди проходят и красны и пьяны,
люди проходят по мертвым телам.
Солдаты не знают, кто правый, неправый,
стучат, как всегда, барабаны,
но пальцы устали касаться к куркам.
Толпы народа проходят за толпами следом
сквозь ужас, под сенью веселых знамен,
к началу новых времен—
к победам!

Убивая,—творить, обновлять!
С ненасытной природой вонзая
зубы в святую мишень.
В великий безумием день
пряжу для жизни ликующей прясть
иль жертвой строительной пасть.
Умирая,—творить, обновлять!

Горят мосты и строенья
(фасады из крови на фоне ночном),
и в глуби каналов дрожат отраженья—
на самое дно уходящим столбом.
Громадные тени больших колоколен
лежат, как преграды по светлой земле.
Огонь над домами—и весел и волен—
кидает пригоршнями искры во мгле.
И черные дымы извивом могучим
летят, вне себя, к окровавленным тучам.

Чу! Залп.

Смерть, машинально беря на прицел,
треском сухим разряжаемых ружей
валит в кровавые лужи
груды причудливо скорченных тел.
Свинец разрешает упорные споры;
в небо пред смертью вонзаются взоры;
Отблеск пожара на лицах их всех
бросает чудовищный смех.

Торопясь, задыхаясь, взывает набат
(так сердца перебоем стучат),
но часто настойчивый звук
как голос, пресекшийся вдруг,
бессильно смолкает,
и десяток пылающих рук
кресты колокольни ласкает.

Чу! Залп.

Толпа—перед входами сумрачных мэрий,
 державших весь город под тяжелой пятой,
 давивших порывы к мечте золотой,
 качает, ломает тяжелые двери;
 засовы трещат, и взлетают замки;
 отдают из утроб сундуки,
 расчетные книги, счета и бумаги;
 их факелы лижут своим языком,—
 и помнят о черном былом
 лишь черного дыма зигзаги.
 Взвились над балконами красные флаги,
 и, падая, кто-то руками раскинул в пространстве
 пустом.

Своеволие и буйство везде,
 Христос в полумраке церквей,
 сорванный кем-то с распятия,
 повис на последнем гвозде,
 простирая бессильно об'ятья.
 Лужами разлит елей;
 кем-то разбиты спокойные стекла икон;
 пол убелен
 снегом причастья,
 и по ним проложили немало дорог
 следы святотатственных ног.

Самоцветные камни убийств и возмездий
 горят, словно взоры далеких созвездий.

Город сверкает,
 как исполин золотой, облеченный в багрец.
 Город во мглу простирает
 свой опоясанный пламенем яркий венец.

Поля и селенья, безмолвно простёрты,
 следят, не решаясь дышать,
 как некто во глуби громадной реторты
 жизнь и безумие хочет смешать,
 как дым, подымаясь из бури народной,
 метет небосвод безответно-холодный.

Умирая, твори, обновляй,
 иль пади и умри!
 Открой, или руки о двери сломай,—
 ты, искра в сияньи встающей зари!

И, что бы судьба ни сулила,—
 сквозь сонмы веков нас влечет,
 спеша, задыхаясь, безвестная сила—
 вперед.

Перевел В. Брюсов.

В. Александровский.
 Из поэмы „ВОССТАНИЕ“.

I.

Тайна в глазах,
 Взгляды порывисты, цепки.
 Что-то растет.
 Кто-то огромный идет.
 Черные куртки и кепки
 Плавают в сером тумане.
 Втиснуты сжатые руки
 В карманы.
 В темных углах
 Страх.
 Мрут и рождаются звуки.

Там, на крутых поворотах;
Гаснут огни.
Плотно закрыли ворота
Грязные пасти домов.
Чу!.. Шопот шагов.
Это—они...

Зовы во мгле задрожали:
— Братья!.. Братья!..
Лязг беспорядочной стали,
Злые проклятья...
Ширится тайна. Растет.
Небо краснеет.
Время не ждет,
В муках Великая зреет,
Идет.

Выстрелы, гулкые, четкие,
Стекла посыпались на тротуар...
Пороха запах.
Стоны короткие.
Резкие крики. Пожар.
Прошлого будущим стиснуто в лапах,—
Смерть ему! Смерть!
Улицы ревом наполнились.
Сроки исполнились,
Вспыхнула твердь.

II.

Проклятое слово—
Измена—
Кривлялось, шипело кругом—
И души одело, как пена
Прибоя.

Впивались сурово
Друг другу в глаза,
И ждали:
Сейчас разразится гроза,
И вспыхнувший гром
Нас выбросит скоро из строя...
С какою бы силою сжали
Упругие руки
Преступное горло шпиона!..

Томкились.
Искали.
Под тяжестью муки
Хватались за нож.
И вдруг,
Из-за темной колонны
Глаза засветились,
И ярко мерцали
В них ложь
И испуг.
Рванулись,
Схватили
Десятками рук,
И пальцы, как клещи сомкнулись,
И в миг погасили
Испуганный звук...

Скрывались в тумане тайком.
Шуршали ногами усталыми...
А сзади оставленный дом
Окрасился лентами алыми.

III.

Рассвет.
В людей превращаются тени

И тайны в глазах уже нет,
В них светится жажда сражений,
Побед.

Справляет свой праздник Борьба.
Откуда-то звонко
Горниста труба
Запела во вражеском стане,
И тотчас же тонко
Свистнули пули
В тумане.

Как улей,
Народ всколыхнулся
Мускулы рук задрожали.

Рванулся
Вверх окровавленный флаг.
Ждали:

Подступит-ли враг.

Нет.

Не идет.

Так развернутым строем,
Братья, вперед!

На гребне побед.

Мы старое сроем,

Раздавим,

И в этой борьбе

О себе

Мы вечную память оставим!

Враг сломлен. Разбит.

Сквозь полог туманный и дымный

Лучи свои солнце струит,

А толпы—восторги и гимны.

Демьян Бедный.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА.

Поэма.

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут.
Грозно идут,
Идут,
Идут,
На последний, на главный редут.

*

Главная улица в панике бешеной.
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечутся—клубный делец накрахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный...
Мечется каждый, тревожно взволнованный,
Гулом и криками, издали слышными.
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы,—
Русский и немец, француз и еврей,
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— Эй, опускайте железные шторы...
— Скорей...
— Скорей...
— Скорей...
— Скорей!..
— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки!

С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.

— Скорей...

— Скорей!..

— Что же вы топчетесь, будто калеки!

Или измена таится и тут?

Духом одним с этой сволочью дышите?

— Слышите...

— Слышите...

— Слышите?..

— Слышите?!

— Вот они... Видите?.. Вот они, тут!..

— Идут.

— Идут!

*

С силами, зревшими в нем, необ'ятными,

С волей единой и сердцем одним,

С общею болью, с кровавыми пятнами

Алых знамен, полыхавших над ним,

Из закоулков,

Из переулков

Темных, размытых, разрытых, извилистых,

Гневно взметнув свои тысячи—жилистых,

Черных, корявых, мозолистых рук,

Тысячелетьями связанный, скованный,

Бурным порывом прорвав заколдованный

Каторжный круг,

Из закоптелых фабричных окраин

Вышел на улицу новый хозяин,

Вышел—и все изменилось вдруг:

Дрогнула, замерла улица Главная,

В смутно-тревожное впад забытье,—

Воля стальная рабоче-державная,

Властной угрозой сковала ее:

— Это—мое!..

Улица эта, дворцы и каналы,

Банки, пассажи, витрины, подвалы,

Золото, ткани, и снедь и питье,—

Это—мое.

Библиотеки, театры, музеи,

Скверы, бульвары, сады и аллеи,

Мрамор и бронзовых статуй литье,—

Это—мое...

*

Воем ответила улица Главная.

Стал богатырь. Загражден ему путь.

Хищных стервятников стая бесславная

Когти вонзила в рабочую грудь.

Вмиг оцетинясь штыками и пиками,

Главная улица—страх позабыт!—

Вся огласилась воплями дикими,

Гиком и руганью, стонами, криками,

Фырканием конским и дробью копыт.

Прыснули злобные, пьяные шайки

Из полицейских, жандармских засад:

— Р-рысью... в атаку!

— Бери их в нагайки!

— Бей их прикладом.

— Гони их назад!

— Шашкою, шашкой, которые с флагами,

Чтобы вперед не сбирались ватагами,

Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,

Мать их растак..!

*

— В мире подобного нет безобразия!

— Темная масса.

— Татарщина.

— Азия!

— Хамы.

— Мерзавцы.

— Скоты.

— Подлецы!

— Вышла на Главную рожа суконная!

— Всыпала им жандармерия конная!

— Славно работали тоже донцы!..

Видели лозунги?

— Да, ядовитые!

— Чернь отступала, заметьте, грозя.

— Правда ль, что есть среди рабочих убитые?

— Жертвы... Без жертв, моя прелесть, нельзя.

— Впрок ли пойдут им уроки печальные?

— Что же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные,

Всюду кровавые смыты следы,

Улица, злого полна ликования,

Залита светом вечерних огней.

Чистая публика всякого звания

Шаркает, чавкает снова на ней,

Чавкает с пошло-тупою беспечностью,

Меряя срок своих чавканий вечностью,

Веруя твердо, что с рабской судьбой

Стерпится, свыкнется „хам огорошенный“,

Что не вернется разбитый, отброшенный,

Глухо рокочущий где-то прибор.

*

Снова...

Снова...

Бьет роковая волна...

Гнется гнилая основа...

Падает грузно стена.

— На...

— На!..

— Раз-два,

Сильно!..

Раз-два,

Дружно!..

— Раз-два,

В ход!..

Грянул семнадцатый год.

— Кто там?

Кто там

Хнычет испуганно: — „стой“?

— Кто по лихим живоглотам

Выстрел дает холостой?

— Кто там виляет умильно?

К чорту господских пролаз!

— Раз-два,

Сильно!

— Е-ще

Раз!..

— Нам подхалимов не нужно.

Власть — весь рабочий народ!

— Раз-два,

Дружно!..

— Раз-два,

В ход!

— Кто нас отсюда тронет?

Силы не сыщется той!

.....
 Главная улица стонет
 Под пролетарской пятой...

Борис Пастернак.
МАТРОС В МОСКВЕ.

Дмитрию Петровскому.

Я увидал его, лишь только
С прудов зиме
Мигнул каток шестом флагштока
И сник во тьме.

Был чист каток, и шест был шаток,
И у перил,
У растарашенных рогаток,
Он закурил.

Был юн матрос, а ветер — юрок:
— Напал и сгреб,
И вырвал и задул окурок,
И ткнул в сугроб.

Как ночь, сукно на нем сидело,
Как вольный дух
Кружившихся, как он, без дела
Ноябрьских мух.

Как право дуть из всех отверстий,
Сквозь все — колоть,
Как ночь, сидел костюм из шерсти
Мешком, не в плоть.

И эта шерсть, и шаг неверный,
И брюк покрой
Галерой пахли и таверной,
Песком, икрой.

Москва казалась сортом щебня,
Который шел
В размол, на слом, в пучину гребней,
На новый мол.

Был ветер пьян, — и обдал дрожью:
С вина, — буян.
Взглянул матрос (матрос был тоже
Как ветер — пьян).

Угольный дом напомнил чем-то
Пловучий дом:
За шапкой, вея, дыбил ленты
Морской фантом.

За ним шаталось, якорь с цепью
Ища в дыре,
Соленое великолепье
Бортов и рей.

Огромный бриг, громадой торса
Задрав бока,
Всползая и сползая, тёрся
Об облака.

Москва в огнях играла, мерзла,
Роился шум,
А бриг вздыхал, и штевень ерзал,
И ахал трюм.

Матрос взлетал и ник, колышим,
Смешав в одно
Морскую низость с самым высшим:
С звездами — дно.

Как зверски рывкать надо клетке
Такой грудной!
Но недоразуменья редки
У них с волной.

Со стеньг, с гирлянды поднебесий,
Почти с планет,
Горланит пене, перевесясь:
„Сегодня нет!“

В разгоне свищущих трансмиссий
Едва упав
За мыс, кипит опять на мысе
Седой рукав.

В порту, на воющем заводе
Сирен-валов,
Огней и поршней полноводья—
Не тратят слов.

И в адском лязге передачи
Тоски мирской,
Стоят, в карманы руки пряча,
Как в мастерской,

Чтоб фразе рук не оторвало,
И первый слог
Ремнями хлещущего шквала
Не унесло.

ИВ. П О Д В И Г И.

Н. А с е е в.

Из поэмы „ЭЛЕКТРИАДА“.

Четвертая песня.

День настал от низких туч не вымыт,
Мы проснулись: даль была сера,
С двух бортов к нам встали часовыми
Серые чужие крейсера.

Сна ль ресницы наши не согнажи?...
Три зрачки и протирай рука!
Все... в поднятом сумрачном сигнале—
К полной сдаче боевой приказ.

В рубке—бел двадцатилетний лощман.
Палуба—предбурье тишины:
„Братья! Нет надежды нам бороться.
„Мы со всех сторон окружены!“

Голос снизу:—Чья же мы добыча?
Сверху стон:—Эскадра старичья.
И опять—противников обычая
Палуба речами горяча:

„Если это так, то будь он проклят
Этот мир сегодня, встарь и впредь,
Коли в нем мошенники да рохли
Будут лишь плодиться и добреть!

Будь он проклят, день тупого пота!
Пусть конец и ночь придет скорей,
Если мы—лишь только позевота,
На его безрадостной заре...

Снова ли итти навек в наймиты,
 Ночь не отличая ото дня?...
 Разве мало в трюме динамиту,
 Чтобы сразу дыбом все поднять?

Вымпела приспущенные, мрейте,
 Сумерки игрою расцветив,—
 Мы на вражьем зажигаем рейде
 Порохом пропитанный фитиль!

Николай Клюев.

МАТРОС

Грохочет Балтийское море,
 И, пенясь в расщелинах скал,
 Как лев, разъярившийся в ссоре,
 Рычит набегающий вал.

Со стоном другой, подоспевший,
 О каменный бьется уступ,
 И лижет в камнях посиневший,
 Холодный, безжизненный труп.

Недвижно лицо молодое,
 Недвижен гранитный утес...
 Замучен за дело святое
 Безжалостно юный матрос.

Не в грозном бою с супостатом,
 Не в чуждой, далекой земле,—
 Убит он своим же собратом,
 Казнен на родном корабле.

Погиб он в борьбе за свободу,
 За правду святую и честь...
 Снесите же, волны, народу,
 Отчизне—последнюю весть.

Снесите родной деревушке
 Посмертный, рыдающий стон,
 И матери, бедной старушке,
 От павшего сына—поклон.

Рыдает холодное море,
 Молчит неприветная даль,
 Темна, как народное горе,
 Как русская злая печаль...

Плывет полумесяц багровый,
 И кровью в пучине дрожит...
 О, где же тот мститель суровый,
 Который за кровь отомстит?

В. Маяковский.

МОСКВА—КЕНИГСБЕРГ.

Проезжие—прохожих реже.
 Еще храпит Москва делят.
 Тверскую жрет,
 Тверскую режет
 сорокасильный Каделяк.

Обмахнуло
 радиатор
 горизонта веером.
 Мотора гром,
 в небо дверью—
 аэродром.

Брик.
 Механик.
 Ньюбольд.
 Пилот.

Вещи.—
 Всем по пять кило.

Влезли пятеро.
 Земля попятилась:
 Разбежались дорожки-ящеры.
 Ходынка накрылась скатертцой.
 Красноармейцы—
 Ходынкой стоящие,
 стоя ж—
 назад катятся.
 Небо—
 не ты ль?..
 Звезды—
 не вы ль это?
 Мимо звезды (нельзя без виз!)
 навывлет небу,
 всему навывлет,
 пали—
 земной
 отлетающий низ.
 Развернулось солнечное это.
 И пошли часы необычайниться.
 Города—светящиеся в облачных просветах.
 Птица—
 догоняет,
 не догнала—
 тянется...
 Ямы воздуха.
 С размаха ухаем.
 Рядом молния.
 Сощурился Ньюбольд.
 Гром мотора.
 В ухе и над ухом.
 Но не раздраженье.
 Не боль.

Сердце, чаще
 Мотору вторь.
 Слились сладчайше
 я и мотор:
 „Крылья Икар
 в скалы низверг,
 чтоб воздух-река
 тек в Кенигсберг.
 От чертежных дел
 седел Леонардо
 чтоб я летел,
 куда мне надо.
 Калечился Уточкин—
 чтоб близко, близко,
 от солнца на чуточку—
 парить над Двинском.

Рекорд в рекорд
 вбивал Гарро—
 чтобы я вот—
 этой тучей-горой.

Коптел над Гномом
 Юнкерс и Дукс,
 чтоб спорил с громом
 моторов стук“.

Что-же—

для того конец крылам икариным,
 человечество,

затем,

трудом заводов никло,—
 чтобы этакий,

Владимир Маяковский,
 барином

Кенигсбергами распархивался на каникулы?..

Чтобы этакой,
бесхвостой
и бескрылой курице,
меж подушками
усесться куце?
Чтоб кидать,
и не выглядывая из гондолы,
кожуру колбасную—
на города и доли?..

Нет.

Вылазьте из гондолы плечи,
100 зрачков — глазейте в каждый глаз.
Завтрашнее,
послезавтрашнее человечество,
мой
неодолимый
стальнорукий класс,—

я
благодарю тебя
за то, что ты в полетах—
и меня
слабейшего
вковал своим звеном.

Возлагаю на тебя—
земля труда и пота—
горизонта огненный венчик.

Мы взлетели,
но еще не слишком.—

Если надо
к Марсам дуги выгнуть—
сделай милость:

дай отдать мою жизнишку!
Хочешь,
вниз
с трех тысяч метров
прыгну?..

ОТДЕЛ ДЕВЯТЫЙ ГОЛОСА ИСТОРИИ

Максимилиан Волошин.

ДМЕТРИУС ИМПЕРАТОР.

(1591—1613).

Убиенный много и восставый,
Двадцать лет со славой правил я
Отчею Московскою державой.—
И години более кровавой
Не видала русская земля.

В Угличе, сжимая горсть орешков
Детской окровавленной рукой,
Я лежал, а мать в сенях замешкав,
Голосила, плача надо мной.

С перерезанным набтмашь горлом
Я лежал в могиле десять лет,
И рука господняя простерла
Над Москвой полетье лютых бед.

Голод был, какого не видали:
Хлеб пекли из кала и мезги,
Землю ели, бабы продавали
С человеческим мясом пироги.

Проклиная царство Годунова,
В городах без хлеба и без крова
Мерзли у набитых закровов.
И раз'ялась земная утроба,
И на зов стнящих голосов
Вышел я, замученный, из гроба.

* * *

По Руси что ветер засвистал,
 Освещал свой путь двойной луною,
 Пáсолнцы на небе засвечал,
 Над Москвою в полночь шестернею
 Мчал, бичом по маковкам хлестал;
 Вихрь витной—гуляя в ратном поле,
 На Московском венчаный престоле

Древним Мономаховым венцом.
 С белой панной, с лебедью-Мариной,
 Я—живой и мертвый—но единый—
 Обручался заклтым кольцом.

* * *

Но Москва дынула дыхом злобным—
 Мертвый я лежал на месте лобном
 В черной маске, с дудкою в руке;
 А вокруг—вблизи и вдалеке—
 Огоньки болотные горели;
 Бубны били, плакали сопели,
 Песни пели бесы на реке.
 Не видала Русь такого сраму.

А когда свезли меня на яму,
 И свалили в смрадную дыру,—
 Из могилы тело выходило,
 И лежало цело на юру.

И река от трупов отливала.
 И земля меня не принимала.—
 На куски разрезали, сожгли,
 Пепл собрали, пушку зарядили,
 С четырех застав Москвы палили
 На четыре стороны земли.

* * *

Тут тогда меня уж стало много:
 Я пошел из Польши, из Литвы,
 Из Путивля, Астрахани, Пскова,
 Из Оскола, Ливен, из Москвы.

Понапрасну в обличенье Вора
 Царь Василий, не стыдясь позора,
 Детский труп из Углича опять
 Вез в Москву: народу показать,
 Чтобы я на царском на призоре
 Почивал в Архангельском соборе,
 Да сидела у могилы мать.

* * *

А Марина в Тушино бежала
 И меня живого обнимала.—
 И, собрав неслыханую рать,
 Подступал я вновь к Москве со славой,
 А потом лежал в снегу безглавый,
 В городе Калуге над Окой,
 Умерщвлен татарами и жмудью,
 А Марина с обнаженной грудью,
 Факелы подняв над головой,
 Рыскала над мерзлою рекой,
 И, кружась по-над Москвой во гневе,
 Воскрешала новых мертвецов,
 А меня живым несла во чреве.

* * *

И пошли на нас со всех концов,
 И понеслись мы парой сизых чаек,
 Вдоль по Волге, Каспию,— на Яик,
 — Тут и взяли царские стрелки
 Лебеденка с лебедью в силки.

* * *

Вся Москва собралась, что к обедне,
Как младенца—шел мне третий год—
Да казнили казнию последней
Около Серпуховских ворот.

* * *

Так, смущая Русь судьбою дивной,
Четверть века,—мертвый, неизбывный,
Правил я лихой годиной бед...
И опять приду чрез триста лет.

Максимилиан Волошин.

СТЕНЬКИН СУД.

У великого моря Хвалынского,
Заточенный в прибрежный шихан,
Претерпевший от Змея горынского,
Жду вестей из полунощных стран.

Все ль как прежде сияет неслазена
Православных церквей лепота?
Проклинают ли Стеньку в них Разина
В воскресенье в начале поста?

Зажигают ли свечки, да сальные
В них заместо свечей восковых?
Воеводы порядки охальные
Все ль блюдут в воеводствах своих?

Благолепная, да многохрамая,
А из ней,—хоть святых выноси.
Что-то, чую, приходит пора моя
Погулять по святой по Руси.

Как—бывало—казацкая, дерзкая,
На Царицын, Симбирск, на Хвалынь,
Гребенская, Донская, да Терская
Собиралась ватажить Сарынь.

Да на первом на струге на „Соколе“
С полюбовницей—пленной княжной,—
Разгулявшись, свистели да цокали,
Да неслись по-над Волгой стрелой.

Да как крикнешь сподручных, приспешников:
„Васька Ус! Шелудяк, да Кабан!
Выступайте пощупать помещиков,
Воевод, да попов, да дворян!

Позаймитесь-ка барскими гнездами,
Припустите к ним псов полютей,
На столбах с перекладиной—гроздами
Поразвесьте собачьих детей!“

* * *

Хорошо на Руси я попраздновал.
Погулял и поел и попил,—
И за все, что творил неуказного,
Лютой смертью своей заплатил.

Принимали нас честью и ласкою,
Выходили хлеб-солью встречать;
Как, в священных цепях да с опаскою
Привезли на Москву показать.

Уж по-царски уважили пыткой,
Разымали мне каждый сустав,
Да крестили смолой меня жидкою,
У семи хоронили застав.

* * *

И как вынес я муку кровавую,
Да не выдал казацкую Русь,
Так за то—на расправу на правую
Сам судьей на Москву ворочусь.

Рассужу, развяжу, не помилю—
Кто хлопы, кто попы, кто паны...
Так узнаете: как пред могилою,—
Перёд Стенькой все люди равны!..

Мне к чему царевать да насиловать,
А чтоб равен был всякому всяк!..
Тут пойдут их, голубчиков, миловать,
Приласкают московских собак.

Уж попомнят, как нас по Остоженке
Шельмовали для ихних утех.
Пообрубят им рученьки—ноженьки:
Пусть поползают людям на смех.

И за мною—не токмо, что драния
Гольтьба, а—казной расшибусь—
Вся великая, темная, пьяная,
Окаянная—двинется Русь.

Мы устроим в стране благолепье вам,
Как—восставши из мертвых с мечом—
Три угодника: с Гришкой Отрепьевым,
Да с Емелькой приду Пугачом.

О. Мендельштам.

ДЕКАБРИСТ.

Тому свидетельство языческий сенат—
Сии дела не умирают.
Он раскурил чубук и запахнул халат,
А рядом в шахматы играют.

Честолюбивый сон он променял на сруб
В глухом урочище Сибири,
И вычурный чубук у ядовитых губ,
Сказавших правду в скорбном мире.

Шумели в первый раз германские дубы,
Европа плакала в тенетах,
Квадриги черные вставали на дыбы
На триумфальных поворотах.

Бывало, голубой в стаканах пунш горит,
С широким шумом самовара,
Подруга рейнская тихонько говорит,
Вольнолюбивая гитара.

Еще волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства,
Но жертвы не хотят слепые небеса:
Вернее труд и постоянство.

Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

А. Маширов (Самобытник).

Из поэмы „9 ЯНВАРЯ“
„ЯНВАРСКИЙ ЗАВЕТ“.

Вставай, подымайся, рабочий народ!
В суровой борьбе поворот...

Дохнул из предместий, сквозь копоть и гарь,
Грозой обожженный Январь.

„Вставай, подымайся“... в подполье глухом
Гремит искупительный гром.

И гневных сердец окрыленную ширь
Не сломят тюрьма и Сибирь...

„Вставай, подымайся!“ Предместья поют,
Стальные гиганты встают.

И выстрелам царским ответит набат
Мятежным огнем баррикад.

А. Крайский.

9 ЯНВАРЯ.

Белый снег от красной крови
Побурел как здание дворца.
Ночь надела траур вдовый,
Сын сменил убитого отца.

Но не ангел белый и крылатый
Вел теперь его во тьме дорог,—
Горькой кровью матери и брата
В этот день забрызганный платок.

Ночь надела траур вдовый,
Сын сменил убитого отца,
Сын запомнил, сколько детской крови
Пролилось у Зимнего дворца,

И в затишьи чернокрылой ночи
Силу гневную он медленно растил,—
Чтобы тот платок в крови рабочей
Высоко над миром вознести.

С. Обрадович.

1905 год.

Течение улиц смяв и срыв,
Был необуздан бунт Москвы.
Под хриплым криком баррикады,
Дни ошарашенные, взрыв,
Тревожным, серым, сбились стадом...

И разбегалась молва,
Как мускулы пружина зовы,
Что бьется схваткою грозовой,
Тысячелетий сбив оковы,
Москва, восставшая Москва!

Бродили зовы... Был отмечен
Пожарами их мглистый путь;
Был каждый шаг их искалечен,
Расстрелян, сдавлен и зловеще,
Как виселица, висла муть.

Толпились и таились дни...
И... у расшатанного трона
Вдруг под кремлевским перезвоном,

Под свист плетей, взметнув огни,
Москва склонилась с долгим стоном...

...Над ребрами баррикад—
Спокойно каркающий ворон,
Декабрьский день, да у забора,
Винчестер в мертвых сжав руках,
Рабочий с Пресни с гордым взором...

Демьян Бедный.

Л Е Н А.

4 апреля 1912 г.

(Ленский расстрел рабочих).

Жена кормильца-мужа ждет,
Прижав к груди малюток-деток.
— Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом,
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитым рядом.
Семья друзей вокруг них лежит,—
Зловещий холм на поле талом.
И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце вешнее блестит.
Иль бог злодейства не осудит?
О, братья! Проклят, проклят, будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!

В. л. Кириллов.

Из поэмы „СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД“.

Был вечер (его не забудешь скоро),
Морозный и хрусткий, но пахло весной,
Ефрейтор Ефремов, отправленный в город,
В казарму ворвался, как ветер шальной.

— „Берут Петропавловку. Встали заводы.
— Одни фараоны остались с царем,
— Волынский и прочие части с народом...
— В ружье, ребята! Идем!

Так движется смерч по равнине водной,
Вздыхая кипящие пеной столбы,
Так полк закружился по-ротню, по-взводно
В пьянящем порыве свободы, борьбы.

Равнялись в ряды, получали патроны,
Пылающим флагом струилась заря,
Закатное солнце казалось короной,
Кровавой короной убийцы-царя...

Вот марш заиграли уверенно-четкий,
И вихрем свободным взгремело: „ура!“
И полк, покачнувшись, стремительно, ходко
Походным порядком пошел в Петроград.

* * *

Ночью вступили в город.
Влажно дышали снега,
Настороженные взоры
Всюду искали врага.
Строго глядели трубы,
Залпы гремели вдали,

Словно сухие срубы
 Рушились. Молча шли.
 У Шлиссельбургской арки
 Первый ночной привал,
 Было светло и жарко,
 Рядом участок пылал.
 Прямо, на улице, горкой
 Тлел полицейский архив;
 Пели, курили махорку
 Дети полей и нив.
 Заревом даль сияла
 Радостно и светло,
 Словно бывшее сгорало,
 Будущее цвело.

* * *

государь

Утром в облаву ходили
 На полицейских. Живьем
 Где-то троих захватили,
 Переодетых „бабьем“.
 Был унижительно жалок
 Пристав, одетый в салоп,
 Женский цветной полушалок
 Прядал на бритый лоб.
 Вот он—гроза предместий!
 Где ж твоя сила и власть?
 Не было даже мести..
 Уж насмеялись всласть.

* * *

Эх, молодчики,
 Пулеметчики,
 Пулеметов не дают,
 Пулеметы стерегут,
 Коротают дни,

Что-то ждут они.
 Ни министров, ни царя,
 Нам не надо, говорят.
 И Керенского,
 Душку женского,
 На все корочки корят,
 За другую власть стоят.
 Не за барскую,
 За кадетскую,
 А рабочую,
 Да советскую.
 Эх, молодчики,
 Пулеметчики,
 Пулеметов не дают,
 Пулеметы стерегут.

* * *

Митинг в Народном Доме,—
 Всех не вмещает зал,
 При оглушительном громе,
 Троцкий у рампы встал. ✓
 Слово—удар набата,
 Слово—карающий нож,
 Огненных бурь раскаты...
 В ярусах трепет, дрожь.
 Встали виденьем окопы,
 Будто в партере, тут...
 Чей это смертный шопот,
 Чьи это взоры жгут?
 Кровь, кровь, кровь,
 Мертвая хватка. Петля.
 „Этих вот расстрелять“...
 — Товарищи, в землю штыки,
 — Мир хижинам,—война дворцам!—

Что это там
 Чудится?
 Сотни красных гробов,
 От большевицких полков,
 Прямо—в зрительный зал!
 Встать!
 Интернационал.
 Троцкий окончил речь, ✓
 В сводах гул, гром,
 Зал, тысячи глаз,—
 Бомба с горящим шнуром.

В. Маяковский.

Из поэмы „ЛЕНИН“.

... Пройдут года сегодняшних тягот
 И летом Коммуна согреет летá,
 И счастье сладью огромных ягод
 Созреет на красных октябрьских цветах,
 И тогда у читающих ленинские вельня,
 Пожелтевших декретов перебирая листки,
 Выступят слезы, выведенные из употребления,
 И кровь волненьем ударит в виски.

Когда я итожу все то, что прожил
 И роюсь в днях: ярчайший где?—
 Я вспоминаю одно и то же:
 Двадцать пятого первый день.
 Штыками тычется, чирканье молний,
 Матросы в бомбы играют как в мячики,
 От гула дрожит взбудораженный Смольный;
 В патронных лентах внизу пулеметчики.

Кто мчит с приказом, кто в куче спорящих,
 Кто щелкал затвором на левом колене...
 Сюда с конца того коридорища
 Бочком прошел незаметный Ленин.

Уже Ильичем поведенные в битвы,
 Еще не зная его по портретам,
 Орали, спорили; острее бритвы
 Солдаты друг друга срезали при этом.

В желанной буре
 Ильич, как будто даже заспанный,
 Шагал, становился и, глаз сощура,
 Вещал, заложивши руки за спину,
 В какого-то парня, в обмотках, лохматого
 Уставил без промаха бьющий глаз,
 Как будто душу из-под слов выматывал.
 Как будто сердце тащил из-под фраз.

И я знал, что все понято и раскрыто,
 И этим глазом наверно выловятся:
 И вопли фронта и крик крестьянина
 Воля нобельца, воля путиловца.

Он в черепе сотни губерний ворочал,
 Людей носил до миллиарда полутора,
 Он взвешивал мир в течение ночи,

А утром:

„Всем, всем, всем!—
 Фронтам, кровью пьяным,
 Рабам всякого рода,
 В рабство богатым отданным,—
 Власть советам,
 Земля крестьянам,
 Мир народам,
 Хлеб голодным“ .

Буржуи прочли:
 Ужо выловим!
 Животики плят доводом веским:
 Ужо покажет им Духонин с Корниловым!
 Покажет ужо Гучков с Керенским!

Слова эти на фронт взяли
 Города и деревни, декретами залиты,
 Даже безграмотному сердце прожог!
 Я знаю не нам, а им показали,
 Какое-такое бывает ужо.
 Переходило от близких к ближним,
 От ближних дальним взрывало сердца,
 Мир хижинам,
 Война, война, война дворцам!

Дрались в любом заводе и цехе;
 Горохом из города вытряхали;
 А позади Октябрьское шествие метило вежи
 Пылающих дворянских усадеб.
 Земля, подстилка под ихними порками,
 И вдруг ее как хлебище — в узел,
 Со всеми ручьями и пригорками,
 Крестьянин взял и зажал заскорузлый.

В очках, манжеттики, зобой похаркав,
 Ползли туда, где царство и графство.
 Дорожка скатертью!
 Мы и кухарку
 Каждую выучим
 управлять государством.

В. Князев.

КРАСНЫЙ ПЕТУХ.

От жгучей искры мести правой
 Я родился в углу глухом;
 Не раз дрожал Орел Двуглавый
 Перед страшным Красным Петухом.
 Враг произвола и насилья,
 Я нес на помощь мужику
 Свои пылающие крылья...

Кукареку!

Во дни, когда скликал под знамя
 Голодных волжский атаман,
 Я с вольных крыльев сыпал пламя
 На порох тайных дум крестьян.
 Бледнел боярин в страхе диком,
 И даже царь впадал в тоску,
 Замученный немолчным криком:

Кукареку!

Когда Пугач с ордой сермяжной
 Дворцы помещичьи зорил,—
 Над голытьбой его отважной
 Я в небе пламенном парил.
 По всей отчизне подъяремной
 Звучал мой призыв к бедняку:
 „Вставай, бесправный! В бой, бездомный!..

Кукареку!“

Взбешен победами японца,
 Я от позора очумел,
 И вновь в крестьянское оконце
 Железным клювом загремел:
 „Вот плод народного бесправья!
 Восстань, крестьянин, смерть царьку!
 Долой ярем самодержавья!..

Кукареку!“

Трехлетней черною войною
 Был край родной опустошон;
 Но вот, кровавою волною
 Подмытый, рухнул подлый трон.
 Корону с царскою державой
 Примчал я в клюве к мужику:
 „Заклеван мной Орел Двуглавый—
 Кукареку!“

И пусть опять нависли тучи,
 Пытаясь потушить зарю,—
 Над Красной Армией могучей
 Я в небе пламенном парю.
 И, озирая с небосвода
 Полк, тесно жмущийся к полку,
 Кричу: „Иль—гибель, иль—свобода!..
 Кукареку!“

Илья Садофьев.

Из поэмы „ИНДУСТРИАЛЬНАЯ СВИРЕЛЬ“.

Какою радостью забилось
 Заводов огненное сердце,
 Когда своим единоверцам
 Они ворота распахнули!..

Каким волнующим аккордом
 Гудков оркестры зазвучали!..
 Глаза сомненья и печали
 Зажглись солнечным восторгом...

Какую сумрачную повесть,
 Страницы вражьей гнусной мести,
 Раскрыли дымные предместья
 Своим вернувшимся героям!..

Былое, тигром кровожадным,
 Не забывая свой обычай,
 Охотилось, как за добычей,
 За кровью, купленную Волей...

Европы—желтой львицы—слуги,
 Озолотив свои карманы,
 Насилья мрачного арканы
 На шеи грустных труб бросали...

Букеты лести... и измена
 Рабочей радужной Свободе,—
 На городском водопроводе,
 В Москве—предательские взрывы...

Ножи в страдальческую спину
 И в грудь вонзались палачами...
 Струилась кровь из ран ручьями,
 И рабство ухало, как филин...

И часто снились темной ночью
 И пытки древние и плети...
 Голгофа тягостных столетий,
 Казалось, снова повторится.

Но вот военная победа
 Сожгла страданья и кошмары,—
 Свою начали коммунары
 Свободы солнечную повесть...

Н. Тихонов.

* * *

Огонь, веревка, пуля и топор
Как слуги кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень пророслаи горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

Марина Цветаева.

* * *

Ох, грибок, ты мой, грибочек, белый груздь! —
То, шатаясь, причитает в поле — Русь:
— Помогите, — на ногах я не тверда.
Отуманила меня да кровь — руда.

И справа и слева
Кровавые зевы,
И каждая рана:
— Мама!

И только... и это...
И внятно мне, пьяной,
Из чрева — и в чрево:
— Мама.

Все рядком лежат, —
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой.

Белый был — красным стал,
Кровь обагрила.
Красным был — белым стал.
Смерть побелила.

Кто ты? — Белый? — Не пойму. — Привстань!
Аль у красных пропадал? — Рязань.

И справа, и слева,
И сзади, и прямо
И красный, и белый:
— Мама!

Без воли — без гнева —
Протяжно — упрямо —
До самого неба:
— Мама!

Вячеслав Иванов.

„ИЗ ЗИМНИХ СОНЕТОВ“.

Зима души... Косым издалика
Ее лучем живое солнце греет;
Она ж в немых сугробах цепенеет,
И ей поет мятелицей тоска.

Охапку дров свалив у камелька,
Вари пшено,—и час тебе довлеет.

Ах, вечности могила глубока!..
Потом усни, как всё дремьёй коснеет.

Оледенел ключ влаги животворной,
Застыл родник текучего огня...

О, не ищи под саваном меня!
Свой гроб влачит двойник, мой раб покорный;

Я ж истинный, плотскому изменяя,
Творю вдали свой храм нерукотворный.

А М а ш и р о в (Самобытчик).

* * *

Будет время, у солнечных врат
Вспомнят гордый, лавинный север,
Красный Питер, Львиный Кронштадт,—
И душа заветет, словно клевер.

И поклонятся славным мечам,
Старым мукам, оплаканной воле,
Серым блузам, могучим плечам,
Своротившим неволи оглобли...

Будет время—на братских костях,
Разгораясь душой буревестной
О минувших, волнующих днях
Вдохновенной откликнутся песней.

А. Крайский.

КРОНШТАДТ.

(Рассказ курсанта).

Не верилось сперва:
Кронштадт восстал.—Нелепо, дико!
Не может быть, чтобы Кронштадт восстал!
Уже орудия мятежников гремели,
А мы еще все не решались проливать
Товарищеской крови. И три раза
Мы предлагали сдаться им... Когда ж
Отвергнут был и третий ультиматум,—
Закрыв сердца, вожди нам приказали:
—„На штурм. Во что бы то ни стало взять!“

И ночью в белых балахонах
Мы по льду шли... Начальники вперед,
Бесстрашием и мужеством вселяя
В солдат геройство. Пол-пути
Прошли благополучно мы, но лапой
Задел прожектор нас, и вдруг,—
Посыпались, полопались гранаты,
Заколыхался, зашатался лед...

Что было!—Тьма, вода и брызги
Снарядов, рвущихся в клочки,
И клочья человеческого мяса,
И груды трупов подо льдом, и крики...
Крик бешеный, неистовый:—В атаку!
И разом бросились навстречу смерти мы,
И через смерть перешагнули разом.

С. Обрадович.

Из поэмы „Г О Л О Д“.

Так вот Он!.. вот!.. отяжелелым шагом
Идет по выжженным полям,
Вороньим криком вьется над оврагом,
Над гнойным остовом коня;

Угрюмо рыскает по всем дорогам,
Крича, хрипя, в пыли, в крови.
Жестоким и черепоголым богом
С дымящихся небес повис!

Миллионами мозолистых ладоней
Припал к мякинному куску.
Мучительней мучительнейшей агонии
Вот этот хруст дрожащих скул;

Вот этот рот, изгрызанный цынгою,
И материнская слеза
Над сыном плачущим, и это злое,
Звериное, тупое,
Блуждающее в глазах...

За табором переселенцев, с льдистым
Сердцем любовь прошла, и вот—
И песнь беспечная и смех ручьиный
Застыли пред лицом Его...

Лишь кралась псом зловещая измена
У заколоченной избы...

.....
Россия Октября!.. Тебе ль, бессменной,
Тебе ль последней пытки не избыть?

А. Безыменский.

ПАРТБИЛЕТ № 224332.

Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю щупают,—в руках чего-то нет...
— Скажи мне, партия, скажи, чего ты ищешь?
И голос скорбный мне ответил:
— Партбилет...

Один лишь маленький... а сердце задрожало,
И в сердце вздрогнула последняя тропа.
Вчера я только лишь в руках его держала,
Но смерть ударила—и партбилет упал.

Эй, пролетарии! Во все стучите двери!..
Неужли нет его? и смерть уж так права?..
Один лишь маленький, один билет потерян,
А в теле Партии зияющий провал...

Я слушал партию и боль ее почуял,
Но сталью мускулов наполнилась рука.
— Эй, слышишь, Партия? Тебе, тебе кричу я,
Тебя приветствует рабочий от станка.

Пусть сердце сдавлено, и боль неимоверна,—
Тебе на помощь я пошлю миллионный вал;
Вал пролетариев под знаком Коминтерна
Заполнит в партии зияющий провал.

А первый я иду. Я—из страны Советов.
Эй, слышишь, Партия?.. Даю тебе обет:
Пройдут лишь месяцы—сто тысяч партбилетов
Заменят Ленинский потерянный билет.

Эммануил Герман.

* * *

Москвы узорчатые чары
 Меня томят, как пестрый сон.
 Здесь—потрудились коммунары,
 Здесь—отдыхал Наполеон.

Здесь озарен лампадным светом
 Разгул Иванов, гнев Малют.
 Здесь с феерическим декретом
 Срифмован пушечный салют.

В седом Кремле, где инок истов,
 Слова молитв заглушены.—
 Вопит призыв социалистов
 С полуразрушенной стены.

И пред просфирней простоватой
 Встает Антихрист, щуря глаз,
 Когда в ушах, заткнутых ватой,
 Отдастся выстрелом приказ.

А переулки так же тихи—
 Лишь пес пролает невзначай.
 Широкозадые купчихи
 Тревожно пьют китайский чай.

Гудят соборы, звоны сея
 Над ситцем вывесок и крыш.
 И пред палатой Алексея
 Застыл, как статуя, латыш.

П. Антокольский.

ПОСЛЕДНИЙ.

Над Роком, над рокотом траурных маршей,
 Над конским затравленным скоком—
 Когда это было, что призрак монархий
 Расстрелян, раздет и закопан?

Где черный орел на штандарте летучем
 В огнях черноморской эскадры?
 Опущен штандарт, и под черную тучу
 Наш красный петух будет задран.

И где гренадеры в мохнатых папах
 Шагали,—ты помнишь их ропот?
 Была ли та песня, как пороха запах
 И как „на-краул“ пол-Европы?

Ты помнишь ту осень под музыку ливней,
 Как шли эшелоны к границам,
 Как дымные выдыхи маршей прошли в ней,
 И вздыбились как над гранитом?

Как занавес, ливней залиvistых проседей
 Закрыла железный театр;
 Лишь галочьим стаям под занавес бросить
 Осталось: Прощай, император!

Осенние скверы ему салютуют,
 Как гвардия, саблями сучьев,
 И слышит в ночах он стрельбу холостую
 Всех, стражу ночную несущих.

То он—идиот, подсудимый, носимый
По оползням фантасмагорий—
От черной Ходынки до желтой Цусимы—
С молебном, с гармоникой, с горем.

На пир, на расправу, на распрю столетий,
В сорвавшейся крутень Истории...
Он с мальчиком мчится. И дьявол с ним третий.
Им любо лететь на просторе.

И фыркает, искры под слякотью сея,
Его ошалевшая лошадь.

.....
Отец. Мы не умерли? Где мы?—В России.
Мы скоро приедем, Алеша.

ОТДЕЛ ДЕСЯТЫЙ
САТИРА И ЮМОР

В. Князев.

ИЗ ТРЕБНИКА КАПИТАЛИСТА.

Верую.

Во единого бога-творца,
Золотого тельца,
Жизнь дающего полною мерою,
Верую.

В чудотворный процент,
Силу вкладов и рент
С их влияний чудовищной сферою,
Верую.

В благородный металл,
Во святой капитал,
Возносящий над участью серою,
Верую.

Обещаюсь идти
По святому пути,
Не смущаем иною карьерою;
Верую.

Демьян Бедный.

ПТИЦЕЛОВЫ.

Весною некий птицелов
Ловил перепелов:
Лежал в траве густой часами,
На сети на свои глядел издалека,—
Перепела ж ловились сами.
Была ли на сетях приманка велика?
Да ровно никакой. Доверчиво и смело
Шли птицы на привычный зов.
Обманщик ловкий, птицелов,
Перепелиный бой подделывал умело.

Как много в наши дни вот этаких ловцов
Средь политического поля.
— „Земля и воля!“
— „Земля и воля!“
— „Права!“ — „Порядок!“ — „Хлеб!“ — свистят со всех
концов...

Кто верит всякому „на вид социалисту“,
Те уподобятся легко перепелам...
Друзья, судите не по свисту,
А по делам.

Жан Жюль.

ДОЧЬ РАБОЧЕГО.

Перевод Ю. М. Стеклова

1.

Бледна иль румяна, бела иль черна,
В глубокую ночь
Для вечных страданий родилась она—
Рабочая дочь.
Лохматая, грязная, палец сосет,
В юбчонке одной,
Она как грибок на болоте растет—
Дитя мостовой.

2.

Подростком на фабрику иль на завод
Девчонка бежит:
Рабочее мясо весь день напролет
В работе горит;
Поблекший цветок силой сорван—и вот
(Уж жребий таков)
Отныне она для утехи живет
Фабричных „быков“.

3.

До мозга костей развращенную, ждет
Прилавок пивной:
То плоть для клиентов; вино она пьет
Из кружки большой.
Спускаясь все ниже, улыбкой зовет
Прохожих она:
Панельное мясо в продажу идет—
Полтинник цена.

4.

С годами все глубже в разврат погрузясь
 Взяв желтый билет,
 И в плоть для презренных „шпиков“ обратясь,
 Пускается в свет.
 А если „работать“ она на дому
 Захочет тайком,
 Осторожное мясо бросают в тюрьму—
 И вот ее дом.

5.

Старухой, снедаема хворью, спешит
 В больницу, стенья:
 То плоть для ученых на койке дрожит,
 Свой жребий кляня.
 Всю чашу страданий испивши до дна
 На нашей земле,
 Для скальпеля мясо, безгласно она
 Лежит на столе.

Марсель Легэ.

КРАСНАЯ МЕЛЬНИЦА.

Перевод А. В. Луначарского.

1.

Там наверху, у облаков,
 Сквозь ночи саван темно-серый
 Горят уже огни зрачков
 Шумящей мельницы Цитеры.
 Кому же мелешь ты зерно?
 И для кого кружатся крылья?
 К веселью, к горю ли оно?
 Мука любви. Мука насилья.

(Припев).

Мельница красная!
 Мельница красная!
 Что же ты мелешь, багрово-бесстрастная,
 Мелешь всю ночь напролет до утра?
 Семя ли зла или семя добра?

2.

Мелю я малым и простым,
 Для бедняка и для больного.
 На сорок су готовлю им
 Любви и кутежа ночного.
 Наш свет для сирот слишком строг:
 Без ласки трудно обтерпеться,—
 Мелю, чтобы несчастный мог
 С сестрой-блудницею согреться.

(Припев).

3.

Мелю, чтобы голодный здесь
 Забыл свое пустое брюхо,
 Виденьям тел отдавшись весь
 И ритмам радостным для слуха.
 Мелю, чтоб, в вальсе закружась,
 Грабитель, хоть на миг счастливый,
 Здесь пропустил тот темный час,
 Когда богач ползет пугливо.

(Припев).

4.

Я пролетарию мелю
 Мотив танцующий, веселый;
 Его сомнения топлю
 В игривых волнах Карманьолы.
 Когда, в кадрили визави
 С их дочерьми, миллионеры
 За деньги молят о любви,—
 Не равенства ли то примеры?

(Припев).

5.

Тот холм, где я мелю в ночи,
 Зовут Монмартр—Гора Мученья.
 Мелю из тьмы я грез лучи,
 Раскаянье и искупленье.
 Я лучших дней зарю мелю
 Для бедняков и для бедняжек
 И крыл крестом благословлю,
 О, боже, тех, чей жребий тяжек.

(Припев).

Мельница красная!
 Мельница красная!
 Что же ты мелешь, багрово-бесстрастная,
 Мелешь всю ночь напролет до утра?
 Семя ли зла или семя добра?

В. Маяковский.

О ДРЯНИ.

Слава, слава, слава героям!..
 Впрочем,
 им
 довольно воздали дани.
 Теперь
 поговорим
 о дряни.
 Утихомирились бури революционных лон.
 Подернулась тиной советская мещанина.
 И вылезло,
 из-за спины Р. С. Ф. С. Р.,
 мурло мещанина.
 (Меня не поймаете на слове,

я вовсе не против мещанского сословия:
 мещанам
 без различия классов и сословий
 мое славословие!)
 Со всех необъятных российских нив
 с первого дня советского рождения
 стеклись они,
 наскоро оперенья переменяв,
 и засели во все учреждения.
 Намозолив от осьмилетнего сидения зады,
 крепкие, как умывальники,
 живут и поныне —
 тише воды:
 Свили уютные кабинеты и спальни.
 И вечером
 та или иная мразь,
 на жену,
 за пианином обучающуюся, глядя,
 говорит,
 от самовара разморясь:
 — Товарищ Надя!
 К празднику прибавка—
 24 тыщи.
 Тариф!
 Эх, и заведу я себе тихоокеанские галифища, что б
 из штанов выглядывать, как коралловый риф.—
 А Надя:
 „И мне б с эмблемами платье!
 Без серпа и молота не покажешься в свете.
 В чем
 сегодня
 буду фигурять я
 на балу в Реввоенсовете?..“

На стенке Маркс.
 Рамочка ала.
 На „Известиях“ лежа, котенок греется.
 А из-под потолка
 верещала
 оголтелая канарейца.
 Маркс со стенки смотрел, смотрел...
 И вдруг
 разинул рот
 да как заорет:
 „Опутали революцию обывательщины нити!
 Страшнее Врангеля обывательский быт.
 Скорее
 головы канарейкам сверните—
 чтоб коммунизм
 канарейками не был побит!“

А. Безыменский.

Н О В Ь.

Мечты ли были, сон ли был?..
 Но вот недавно, поздней ночью,
 За чашкой чая говорил
 Со мной знакомый мой, рабочий.
 Он говорил о детворе:
 Он святцы дряхлые отринул
 И, в честь победы в Октябре,
 Назвал дочурку Октябриной.
 — А знаешь ли,—сказал он вдруг:
 — Я все-таки ругался с братом.
 Назвал он сына—Политрук,
 Другого сына—Редиздатом.

Я знаю, что я не был прав;
 Должно быть, это с непривычки.
 Но вдруг как будет „Наркомздрав“,
 „Главуголь“, „Клуб“, „Каширка“, „Смычка“?..

Я представляю разговор:
 — Октябрь Панфутьич! Где вы были?
 — Нил Совнаркомыч? С этих пор!
 — Как ВЦИК ваш, Тит Автомобилич!

Оно, конечно, ширь... размах...
 Но в дрожь бросает мысль иная:
 Запутаетесь в именах...
 Что лучше—все-таки не знаю...

Звонок. Вошли. Письмо несут.
 Разносчица. Письмо. Тужурка.
 — Скажи нам, как тебя зовут?
 — Как?—„Новь“—
 Ответила дочурка.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ.

Разговор в деревне.

— „Пречудесная затея!“—
 Дарье молвит Пелагея,—
 „Порешили мужики:
 Меньше знаться чтоб с кручиной,
 Электричество машиной
 Добывать, слышь, из реки“.

— „Есть динам-машин такая“,—
 Дарья ей в ответ, икая,—
 „Кверху дном все встанет вдруг.
 Значит, по боку кобылу:
 Электрическую силу
 Запрягать мы будем в плуг“.

Подхватила и Арина:

— „Будь в селе динам-машина,—
 Тут тебе—не то, что свет,
 Телефон введем для связи,
 Чтоб за справками по грязи
 Не тащиться в сельсовет!“

— „А ведь нам, деревне, право,
 Электричество по нраву“,—
 Фекла держит речь снохам:—
 „Копоть по боку тепере,
 Керосин, того, за двери,
 Он не нужен будет нам“.

— „Это дело, это дело!“—
 Поддержала Анна смело,—
 „Много пользы, бабы, ух!
 От листричества, как судят,
 По дворам гулять не будет
 Красный огненный петух“.

„Успокоилась теперь я“—
 Бабка шамкает Лукерья:
 — И попы не поперек:
 „Не грешно, сказали батьки,
 Зажигать взамен лампадки
 Электрический рожок“.

— „Эва, рай дадут деревне!“—
 С печки Карп гнусавит древний:
 „Что пустое говорить!
 Пользы в той затее нету:
 От листрического свету
 Разве можно закурить?“...

В. Маяковский.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ.

В сто сорок солнц закат пылал,
 в июль катилось лето,
 была жара,
 жара плыла—
 на даче было это.
 Поселок Пушкино горбил
 Акуловой горою,
 и низ горы—
 деревней был,
 кривился крыш корою.

А за деревнею—
 дыра,
 и в ту дыру, наверно,
 спускалось солнце каждый раз,
 медленно и верно.
 А завтра
 снова
 мир зарить
 вставало солнце ало.

И, день за днем,
ужасно злить
меня
вот это
стало!

И, так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
„Слазь!
довольно шляться в пекло!“

Я крикнул солнцу:
„Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!“

Я крикнул солнцу:
„Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела, заходить,
ко мне
на чай зашло бы!“

Что я наделал?
Я погиб!!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.

Хочу испуг не показать—
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза,
Уже проходит садом!

В окошки,
в двери,
в щель войдя,
ввалилась солнца масса,
ввалилось,
дух переводя,
заговорило басом:
„Гоню обратно я огни,
впервые с сотворенья,
ты звал меня?
Чаи гони,
гони, поэт, варенья“.

Слеза из глаз у самого—
жара с ума сводила,
но я ему—
на самовар:
„Ну что ж, садись, светило“.

Чорт дернул дерзости мои
орать ему!—
skonфужен
я сел на уголок скамьи,
боюсь—не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась—
и степенность
забыв—
сiju, разговорясь
с светилом, постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:

„Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто.
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
— Поди, попробуй!
а вот идешь—
взялось идти,
идешь—
и светишь в оба!“

Болтали так до темноты—
до бывшей ночи, то-есть,
Какая тьма уж тут?
на ты
мы с ним, совсем освоюсь,
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.

А солнце тоже:
„Ты да я,
нас, товарищ, двое.
Пойдем, поэт,
взарим,
вспоем,
у мира в сером хламе;
я буду, солнце, лить свое,
а ты—свое,
стихами“.

Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала;
стихов и света кутерьма—
сияй во что попало!

Устанет то,—
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.—
Вдруг—
я
во всю светаю мочь—
и снова день трезвонится!
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить—
и никаких гвоздей!!
Вот лозунг мой—
И солнца.

В. Маяковский.

ВОЕННО-МОРСКАЯ ЛЮБОВЬ.

По морям играя носится
с миноносцем миноносица.

Льнет, как будто к меду осочка,
к миноносцу миноносочка.

И конца б не довелось ему,
благодаршью миноносьюему!

Вдруг прожектор, вздев на нос очки,
впился в спину миноносочки.

Как взревет медноголосина:
„Р-р-р-астакая миноносина!“

Прямо ль, влево ль, вправо ль броситься?..
а сбежала миноносица.

Но ударить удалось ему
по ребру по миноносьюму.

Плач и вой мориями носится:
овдовела миноносица.

И чего это несносен нам
мир в семействе миноносином?

Михаил Андреев.
ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ.

„Нет ничего скучнее совершенства“.

Горячее солнце, горячий песок,
Природа как есть—пуританка,
А я—обезьяна—кокосовый сок
Сосу целый день без устанку.

Удавы и змеи, все гады—родня,
Не страшен мне кактус зловещий;
Орехи, бананы здесь есть у меня
И прочие вкусные вещи.

Гляжу полусонно на близкий мне мир
(Ищу насекомых под мышкой),
Потом, когда солнце растопит мне жир,
В любовь поиграю с мартышкой...

Какое мне дело, что в будущем ждет?
Нам нужны реторты и колбы,
Пусть только культура ко мне подойдет,
Шарахну кокосом ей по лбу!

Я стал человеком, в искусство влюблен,
Хожу лишь на задних я лапах;
Подбрит подбородок, и одеколон
Пролил специфический запах.

Услужливо к свету открыта мне дверь,
И сердце по-новому бьется.
Ем тонкие яства, но все ж во мне зверь,
Нет, нет—да порой и проснется.

Наскучит вдруг душу мне мылом стирать,
Прекрасное кажется пошлым...
Особенно, ежели нечего жрать,
Безумно жалею о прошлом.

Вот я совершенство. Жизнь—рай без конца,
Я—дух (божество без изъяна);
Но вечности искра скулит у творца:
— „Создай меня вновь обезьяной!...“

Бенедикт.

* * *

Раз, под вывеской славной „Тарантула“,
Сверх-поэты сошлись—все вертлявы,
Все—терзаемы муками Тантала
В предвкушении ждущей их славы.

Кудри многих с ребрились, как в инее...
Надрывались они вперегонки,
Чтобы все мозговые их линии
Были так же изысканно тонки,
Как редчайшие блюда десертные
Перед коркою черствого хлеба;

Думать так, как и прочие смертные,
 Не пристало избранникам неба...
 Вот их возгласы слышны: „На знамени
 Начертаю я: Все наизнанку!“

— Только копать мне нравится в пламени...

„Всем грибам предпочту я поганку“...

— „Без болячек—что может быть хуже лиц?“

— Лишь невиданный мил мне развратец!

„Обожаю я пламенно жужелиц!“...

— „Я... я страстно люблю каракатиц!“

Кулаком тут ударивши по столу,

Так воскликнул один из поэтов:

„Да, поэзии новой апостолу

Слушать нечего прежних заветов!...

Всё в поэзии есть новоявленной,

Всё: волшебные грезы моллюсков,

И величие жабы раздавленной,

И пластичность куриных огузков“...

Так под вывеской славной „Тарантула“

Надрывались они, все вертлявы,

Все—терзаемы муками Тантала

В ожидании будущей славы.

ОТДЕЛ ОДИННАДЦАТЫЙ

ЧАСТУШКИ

ЧАСТУШКИ.

Все идут, а мово нету,
Запрягу коня в карету;
Запрягу коня в карету,
Пойду к подружке по совету.

Меня сватали по лету,
Всему дому я мила.
А свекровушка сказала:
„Ростом, девушка, мала“.

Две тальянки, третий бубен,
Мы своих ребят не любим.
А чужих уважаем,
На коленочки сажаем.

Привязала меня, мать
К зеленому дубу,—
Бей, бей меня, мать,
Веселее буду.

Эх, ребята, ежики,
В голенищах ножики!

Уж ты милая моя,
Как тебе не стыдно?
Через твой горбатый нос,
Ничего не видно.

Я сидела на диване,
Вышивала платок Ване,
Перва буква, второй номер,
Мне сказали—Ваня помер.

Помер, помер мой любезный,
Закажу я гроб железный,
Уряжу его цветами,
А сама зальюсь слезами.

Шила кофточку по моде,
На груди не сходится.
Завела себе миленка,
Гулять не приходится.

Пишет милый письмецо,
Пишет—удивляется:
Какая бойкая была,—
Ни с кем не занимается:

У меня миленков тридцать,
Я не знаю куда скрыться;
Пойду, брошусь в реку,
Пускай сидят на берегу.

Не брани ты мама Маню
За высоки каблуки,
Маня вырастет большая,
К ней подъедут женихи.

На столе стоит подсвечник,
Мой-то миленький насмешник,
Раньше был ему почет,
А теперь на кой он чорт?

Перепелочка летала,
Перепархивала,
Я милого целовала,
Перевертывала.

Сидел милый на крыльце
С выраженьем на лице,—
Я недолго думала:
Подошла да плюнула.

Под окном стоит брусничка,
Я девчонка невеличка,
Что же сделать, маменька?
Уродилась маленька.

Собрано в Переяславе, Залесского у.

ЧАСТУШКИ.

Ты, Маланья, демократка,—
Целоваться с тобой сладко.

Не дрожи, кленовый лист,
И не пой, соловушка:
Мой миленок—коммунист,
Умная головушка.

Не пойдем во храм венчаться
С милым ласковым дружком,
А поедем к комиссару—
Там запишемся вдвоем.

Коммунист ты, коммунист,
Рубашка сатинова!
Чрез тебя я, коммунист,
Дом родной покинула.

Коммунист, ты, коммунист,
Рубашка атласна!
За тебя я, коммунист,
Помереть согласна.

Милый, милый, милый мой,
Ты возьми меня с собой.
Ты служить будешь с винтовкой,
Я служить буду—сестрой.

* * *

Коммунист миленок свал;
Плачу, плачу ночью я,
А он все свое твердит:—
„Гибнет власть рабочая“...

Ночь проплакала навзрыд,
Занят платьем новым ум,
А миленок все твердит
Про какой-то минимум...

Опущу колечко в речку—
Пускай покатается,
Отпущу жену я в люди—
Пускай пошатается...

(Собрал Серафим Огурцов).

КОМСОМОЛ В ДЕРЕВНЕ.

1.

Меня маменька ругает,
Что я в церковь не хожу,
Напролет все воскресенья
В комсомоле провожу.

2.

Вы, девчоночки, ходите
С комсомольцами гулять,
Комсомольцы вас научат
Книжки Ленина читать.

3.

Мой муж арбуз,
А я его дыня;
Молодежи союз
Процветает ныне.

4.

Эх, карты мои,
Вы гадательные;
Комсомольские ребята
Завлекательные.

5.

Эх, яблочко,
Катись под ёлочку;
Агроном полюбил
Комсомолочку.

С измалетства сбаловался
Водку пить, табак курить,
В комсомольцы записался—
Перестал сейчас дурить.

7.

Эх, родители, родители,
Пустите со двора;
Не поймете вы, родители,
Что новая пора.

8.

Испугалась до смерти
Нонче маменька моя:
Я пришла да ей сказала:
Комсомолкой стала я.

9.

Вы ругайте, не ругайте,—
А по вашему не быть,
На ячейку, на собранье
Не закажете ходить.

10.

Эх, яблочко,
Кисло-сладкое;
С комсомольцами гуляю
Я украдкою.

11.

Эх, яблочко,
Сбоку зелено,
С комсомольцами гулять
Мне не велено.

12.

Ты, мой милый, чернобровый,
Не велят тебя любить;
Не велят тебя любить,
Комсомолочкою быть.

13.

Ты скажи-ка, комсомолец,
Чего дома говорят,
„За картишки ни полслова,
За собрания бранят“.

(Собрал В. Князев).

СОВЕТСКИЙ БРАК.

1.

Нам в полах нужды не стало—
И без них теперь права:
Без подарочков запишут
В исполкоме, у стола.

2.

Ты, милашечка, не ной,
Я теперича другой:
Венчаться в церковь не пойду—
В исполком тебя сведу.

3.

Мой милёнок меня сватал,
За него замуж иду,
Мы запишемся в Совете,
А к попу я не пойду.

4.

Батька любит покричать,
Чтоб нас в церкви обвенчать,—
А я батюшке в ответ—
Отвози меня в Совет.

5.

Мы на вишенке сидим
И кача-качаемся,
Пойдем миленький в Совет,
Там и обвенчаемся.

6.

Я давно люблю Анюту,
Поженюсь на ней потом.
Мы поедем с ней венчаться—
По советски, в исполком.

7.

Эх, яблочко
Ананасное.
Итти к попу
Не согласна я.

8.

Цветочки цветут,
Ягодки спели;
Пойду с миленьким в Совет
На этой неделе.

9.

Не пойдем во храм венчаться
С ненаглядным дружкой,
А поедем к комиссару,
Там запишемся вдвоем.

10.

Ах, ты, милка-маков цвет,
Что ты хорохоришься?
Дай мне ручку, да в Совет—
Тамо успокойсья.

(Собрал Василий Князев).

ЧАСТУШКИ.

Эх, вы, девушки, резвушка,
Распевайте вы частушки,
Кого любишь, с кем живешь...
Галифе, иль флотский клеш?

Над деревней вьются утки,
Знают времячко свое.
Пойте девки, прибаутки
Про свое житье-бытье.

Есть парнишка на селе,
Чернобровый хлопец.
Девки влопались в него,
Это—комсомолец.

Наше поле с вашим рядом,
Ваше каменистее,
Ваши девки—коммунистки,
Наши—коммунистее.

В посиделки не пойду,
Я не милка Сенина,
Заведу я граммофон,
Буду слушать Ленина.

Я в своей красоте
Очень уверена:
Если Троцкий не возьмет,
Выйду за Чичерина.

Не гляди, что у меня
Платьице с заплаткою:
Меня выбрали в Совет
Женской депутаткою.

Дрыгай, дрыгай, потолок,
Дрыгай, потолочина!
Не форсите, кулаки,
Пока не колочены.

Девушки—голубушки,
Вы не мажьте рожи.
Лучше запишитесь
В Союз Молодежи.

Не надену это платье,
Оно стирано два раз,
Не любите вы эсера—
Он обманывать горазд.

Мы буржуям всем на горе
Корабли построим вскоре.
И на страже, у ворот
Развернется красный флот.

Мой миленок—коммунист,
А я коммунарочка.
На позицию пошлют,
Отчаянна парочка!

Скоро ль, скоро ль, вы, машинушки,
Придете к нам в поля?
Скоро ль, скоро ль электричеством
Засветится земля?

Жала, жала я овес,
Перешла на гречу,
Коль помещики придут,
Я их вилой встречу.

Меня солнышко не греет—
На головушку туман.
Попадись, белогвардеец,
Сброшу в море-океан.

Скоро, скоро снег растает,
С нашей речки лед пойдет,
Скоро, скоро по всем странам
Революция пройдет.

Голубое мое платье
Не считают за наряд,
У милого возьму брюки
И пойду служить в отряд.

Как мой милый—коммунист,
А я беспартейна.
Оттого у нас, миленок,
Любовь канительна.

Прежде был я смазчик,
Смазывал колеса,
А теперь в Совете,
Решаю вопросы.

Поухали кадеты
В заграницу проживать;
Как-то будете без нас вы
Хлеба-соли добывать?

Эх, берет меня тоска,
По ночам не спится:
Заразили меня книги—
Я хочу учиться.

Троцкий дал такой наказ:
„Грызть гранит науки“.
Разом выполним его,
Взявшись за „аз-буки“.

Полушалка моя,
Полушалка бледна,—
Я теперь не стыжусь,
Что я девка бедна.

Целы годы я жила,
Не умела я читать.
Появились Советы,
Дела стала разрешать.

Эх, яблочко,
Раззолочено...
Ты, Антанта, не форси,
Пока не колочена!

Эх, яблочко,
Сбоку дырочки.
Не дожидаться вам, попы,
Учредилочки!

Святители
Да угоднички,
Видно, крышка вам пришла,
Греховоднички!

Эх, яблочко,
Земляничное,
Комсомольцы-то—ребята
Отличные.

Делегатка я,
Да только сельская!
Эх, доля моя,
Женотдельская!

Эх, карие глаза,
Да вы губительные,
Комсомольские ребята—
Рассудительные.

Собрал А. Жаров.
(„Красная Тальянка“).

РАБКОРИЯ.

Я при деле в женотделе
Бабы слезы осушу.
Девки с парнями сидели,—
Мне не срок: статью пишу.

Мой миленок матюгами
От рассвета лается,
Я в редакцию стихами
Скоро буду жалиться.

Слабы, слабы наши бабы,
На себя посетуйте:
Хорошо пошли дела бы,
Да рабкорки нетути.

В лавке этой—свету нету,—
Цены хлесткие дерут,
Пропишу пойду в газету,
Пусть-ка гусем запоют.

Распушила нонче деда:
Больно стара нация.
Я до Смольного доеду,—
Там моя редакция.

Собрала В. Кудряшова.

Владимир Воинов.

ТПРУ-КА, НУ-КА, ТИ-ЛИ-ЛИ.

За заставой Ванька жил,
Не работал, не служил.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Приспособить не могли.

Ну, а Танька — тоже клад:
Не деваха — мармелад.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Тягька с маткой подвели.

Ваньке было двадцать лет.
Ваньку звали „Ванька Шкет“.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Звать иначе не могли.

Ну, а Таньку, хошь-не-хошь,
Величали „Танька Клеш“.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Имена приобрели.

Ванька вечно начеку,
Финский ножик на боку.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Ваньку где-то стерегли.

Ну, и Таньку, „Таньку Клеш“,
Голой лапой не возьмешь.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Подле Таньки не юли.

Ванька парится в пивной,
Ванька к вечеру хмельной.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Раз не трогают — вали.

А на Таньку был донос:
Кокаином пудрит нос.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Подглядели — донесли.

Ванька в нынешнем году
С Танькой встретился в саду.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Липы здорово цвели.

Ванька Таньку полюбил
И немедленно избил.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Еле Таньку отвели.

А она его в лицо
Обругала подлецом.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Ванька с Танькой—короли.

Дескать, милый, золотой,
Жди-мол в рожу кислотой.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
А мозгой пошевели.

Милицейский увидал,
И подумал, что скандал.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Ваньку с Танькой замели.

Сняли с пальчиков портрет,
И сказали: — это „Шкет“.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли —
За решетку отвели.

А у Таньки в этот год —
Восемнадцатый „привод“.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли —
Таньку тоже отвели.

И теперь они сидят
И в окошечко глядят.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли —
Словно раки на мели.

На душе моей печаль:
Ваньку с Танькой крепко жаль.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли —
Ведь, иначе б жить могли!

ОТДЕЛ ДВЕНАДЦАТЫЙ

РИТМО-ПЬЕСЫ

О. Мандельштам.

* * *

Сегодня дурной день:
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень —
Мрачней гробовых плит.

Мелькающих стрел звон,
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.

Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть,
И яростный гимн грянь —
Бунтующих тайн медь.

О, маятник душ строг —
Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь, к нам...

Валентин Кривич.
ПЛЯСОВАЯ-СМОЛЕНСКАЯ.

В. П. Хмара-Борщевскому.

И—эх!..

И—эх!..

Эх!

Да.

Кому д'горе — д'кому смех...

Будем двое — д'лучше всех...

Кому горе, кому горе, кому горе да беда,

Ну, так что ж, что засивела борода,

Знать такие, уж такие, знать, года-года-года!..

Ну-ка кумушка,

Моя думушка!..

Ох—сласть!

Ай—стать!

Ой—страсть!

Эх — мать!..

Кума гладь,

Кума ладь,

Делай дело — не подгадь,

Ладь вглядь!..

То ль не дело—

Загудело

От порога до полать...

От порога—

Что дорога...

Не схотела—

Наплевать!

Ай, гляди — зашла...

Как огнем зажгла...

Замахнулась,

Развернулась,

Дробью бабью

Рыбью рябью,

Только пыль пошла!

Мое горе — то не горе, не беда!

Раззудились стариковы пятаковы вереда...

Разогнался — не поймать...

Эх — мать!!

Ой, кума — гляди!

Заходи,

Веди,

Вспреди!..

Левой — правой,

Павой, павой...

А я вскочку за тобой.

А я вскочку за тобою,

За шалинкой голубою,

За шалинкой,

Да с тавлинкой,

Да с табашною губой!

Эх-ма, словлю!..

Не стерплю —

Сгублю...

Не за-даром с коих пор

Вперебор

Подборами скриплю.

Эй, музыка моя — гуди-гуди,
 Старикову душу-сердце береди!..
 Расступись, народ!
 Нынче наш черед.
 Мы с кумою
 Двое, двое,
 Двое, двое, двое нас.
 Кума грудью, — а я боком,
 Через ножку перескоком,
 Через ножку — через раз —
 Мимо вас!

Бог свят.
 Эй, сват!
 Сват Игнат!
 Задавлю!..

Подковками-каблуками
 За реками
 За реками я и камень
 Сдроблю.

А сама-то,
 А кума-то —
 Дробью бабью,
 Рыбью рябью...
 Эх-ма — люблю!..
 Кума — словно за водою,
 А я прямо бородою...
 Кума свечкой — я дугой,
 И рукою, и ногою
 И одною, и другою,
 За кумою
 За самою,
 За кумою дорогой!

Держи — улечу!..
 Засвечу
 Свечу!..
 Захочу —
 Стопчу!..

В полон захвачу...
 А ногами-сапогами
 Как бредень плету,
 На сажень-версту!..
 Топота-то, топота-то! —
 Что табун на мосту.

То ли пыль, то ли дым —
 Не угнаться молодым,
 и'не угнаться — не поймать,
 и'не поймать — и'не унять,
 и'не унять — и'не умять!..
 И — эх — маты!..

Мих. Артамонов.

ИЗ ПОЛЕВЫХ ПЕСЕН.

На поляны в полесовье
 Шли — насвистывали;
 Ветры листья на березах
 Перелистывали.
 Девки бегали, скликались,
 Шли угончивые,
 На приваду, на порадую
 Неприклончивые.
 В полесовье песня девок
 Подзадаривала,
 Хорошо гармонь играла —
 Выговаривала.

...Я в багряном листозолоте-саду
 Вечер радости с порадой проведу!
 Уведу я да потайною тропой
 В лес зеленый повеснянку за собой.

Ты, березка, свои ветки наклони,
 Нас от взоров охрани, оборони,
 Будут слушать только ночка да трава
 Наши тихие да тайные слова.

Эй, откликнись, отзовися,
 Полыхмяница,—
 Призывает тебя к воле
 Вольный пьяница.

Призывает нас повада,
 Волей заданная.
 Где ты, радость ненагляда,
 Неугаданная?

Есть тропинка в лунном свете,
 Мной проложенная.
 Мы по ней пройдем с тобою
 В даль нехоженную.

Песня девок в лунном свете
 Подзадаривает.
 Хорошо гармонь играет,
 Выговаривает...

М. Артамонов.

ПОВЕСЕННИЦА.

Девки-девушки полянки,
 Щеки алые,
 От волынки до тальянки
 Разудалые,—
 Собирались на загоне
 С оповестками.
 Шли при ало-зорнем звоне
 Перелесками,
 Шумно гулками лесами
 Шли зоряночки
 По бруснике, повиликке,
 При тальяночке.

— — —
 Ой, да лидо-лидо-ладо,
 Повесенница!
 По весне ли ненагляда
 Переменится?

Вейтесь, кудри, мне на плечи
 Повиликою,
 Свою милу запримечу,
 Да окликаю!..

Пригляну ли издалёка
 Я заветную,
 Кумачеву запояску
 Заприметную?

Ой, да лидо-лидо-ладо
 Повесенница!
 По весне ли ненагляда
 Переменится?

На поля да на поляны,
На остожие—
Вышли девки спозарана
Да пригожие!

Ой, да лидо повеснянка
Позаранница!
Я ли барышня-крестьянка
Бесприданница!

Звонко косы зазвенели,
Травка клонится,
Как махнет—ряды ложатся,
Кто угонится!..

—

Вейтесь, косы мне на плечи
Повиликою,
Друга-мила запримечу
Да окликаю!

Запримечу да привечу,
Знать, судьба тому!..
Выйду к милому навстречу
Важеватому...

Ой, ты, лидо-лидо-ладо —
Повесенница,
Паренек ли ненагляда
Переменится?..

Василий Каменский.

„РУССКИЙ ЗВЕНИДЕНЬ“.

Звени, Солнце! Копья, светлые мечи,
лей на землю жизнедатные лучи!
Звени, знойный, краснощекий,
ясны-ясный день.
Звенидень.
Звенидень!

Пойте, птицы. Пойте, люди. Пой, Земля!
Побегу я на веселые поля.
Звени, знойный, черноземный,
полный, полный день.
Звенидень.
Звенидень!

Солнце, радуйся и пояс развяжись.—
Эй, душа моя, пошире распахнись!
Звени, знойный, кумачевый,
яркий-яркий день!
Звенидень.
Звенидень!

Звени, Солнце. Жизнь у каждого одна,—
лучезарная, бегущая волна.
Звени, знойный, разудалый,
Русский алый день!
Звенидень.
Звенидень!

И. Анненский.

КОЛОКОЛЬЧИКИ.

Глухая дорога. Колокольчик в зимнюю ночь
рассказывает путнику свадебную историю.

Динь-динь-динь,
Дини-дини...
Дидо Ладо, Дидо Ладо,
Лиду диду ладили,
Дида Лиде ладили,
Ладили, не сладили,
Диду надосадили.

День делали,
Да День не делали,
Дела не доделали,—
Головы-то целы ли?
Ляду дида надо ли?
Диду баню задали.
Динь-динь-динь, дини-динь!..

Колоколы-балаболы,
Колоколы-балаболы,
Накололи, намололи,
Дали боле, дали боле.
Накололи, намололи,
Колоколы-балаболы.

Лопотуньи налетали,
Болмоталы навязали,
Лопотали-хлопотали,
Лопотали-болмотали,—
Лопоталы поломали.
Динь!

Ты бы, дид, не зеньками,
Ты бы, диду, деньгами!..
Деньгами, деньгами!..
Долго ли, не долго ли,
Лиде шубу завели...

Холили-не холили,
Болили-неволили,
Мало ль пили, боле лили,
Дида Ладу золотили!

Дяди ли, не дяди ли,
Ладили—наладили...
Ой, пила, пила, пила,
Диду пива не дала;
Диду Лиду надобе,
Ляду дида надобе,
Ой динь, динь, динь - дини, динь, дини-динь!

Деньги дида милые,
А усы-то сивые...

Динь!

День!

Дан вам день...
Долго ли вы там?
Мало было вам?

Вам?

Дам!

По губам.
По головам—

Дам!

Буби-буби—бубенцы ли,
Мы ли ныли, вы ли ныли,
Бубенцы ли, бубенцы ли?..
День, дома бы день,
День один!..

Колоколы-балаболы,
 Мало лили, боле пили,
 Балаболы потупили...
 Бубенцы-бубенчики,
 Малые младенчики,
 Болмоталы вынимали,
 Лопоталы выдавали,
 Лопотали, лопотали...
 Динь!..

Колоколы-балаболы...
 Колоколы-балаболы...

М. Кузмин.

ИЗ АЛЕКСАНДРИЙСКИХ ПЕСЕН.

Кружитесь, кружитесь:
 держитесь крепче за руки.
 Звуки звонкого систра несутся, несутся,
 в рощах томно они отдаются.
 Знает ли нильский рыбак,
 когда бросает
 сети на море, что он поймает?
 Охотник знает ли,
 что он встретит,
 убьет ли дичь, в которую метит?
 Хозяин знает ли,
 не побьет ли град
 его хлеб и его молодой виноград?

Что мы знаем?
 Что нам знать?
 О чем жалеть?

Кружитесь, кружитесь,
 держитесь крепче за руки.
 Звуки звонкого систра несутся, несутся...
 в рощах томно они отдаются...
 Мы знаем,
 что все—превратно,
 что все уходит от нас безвозвратно...
 Мы знаем,
 что все—тленно,
 и лишь изменчивость неизменна.
 Мы знаем,
 что милое тело
 дано для того, чтоб потом истлело.
 Вот что мы знаем,
 вот что мы любим,
 за то что хрупко
 трижды целуем.
 Кружитесь, кружитесь;
 держитесь крепче за руки.
 Звуки звонкого систра несутся, несутся,
 в рощах томно они отдаются.

Вячеслав Иванов.

МЭНАДА.

Той, чью судьбу и чей лик я узнал
 в этом образе мэнады «с сильно бью-
 щимся сердцем» — ПΑΛΛΟΜΕΝΗΣ ΚΡΑ-
 ΔΙΝΗΣ — как пел Гомер, когда ее огнен-
 ное сердце остановилось.

Скорбь нашла и смута на Мэнаду;
 Сердце в ней тоской захолонуло.
 Недвижимо у пещеры жадной
 Стала безглагольная Мэнада.

Мрачным оком смотрит, и не видит;
 Душный рот разверзла—и не дышит;
 И текущие взмолились нимфы
 Из глубин пещерных за Мэнаду:

„Влаги, влаги, влажный бог!
 Я скалой застыла острогрудой,
 Рассекая черные туманы,
 Высекая луч из хлябей синих...

Ты резни,
 Полосни
 Зубом молнийным мой камень, Дионис!
 Млатом звучным источи
 Из груди моей застылой слез ликующих ключи...“

Бурно ринулась Мэнада—
 Словно лань, словно лань!
 С сердцем, вспугнутым из персей—
 Словно лань, словно лань!
 С сердцем, бьющимся как сокол
 Во плену, во плену;
 С сердцем яростным, как солнце
 Поутру, поутру:
 С сердцем жертвенным, как солнце
 Ввечеру, ввечеру.

Так и ты, встречая бога,
 Сердце, стань,
 Сердце, стань.
 У последнего порога
 Сердце, стань,
 Сердце, стань.

Жертва, пей из чаши мирной
 Тишину,
 Тишину...
 Смесь вина с глухою смирной—
 Тишину,
 Тишину...

В. Маяковский.

ГИМН СУДЬЕ.

По красному морю плывут каторжане,
 трудом выгребая галеру,
 рыком покрыв кандальное ржанье,
 орут о родине Перу.

О рае Перу орут перуанцы,
 где птицы, танцы, бабы,
 и где, над венцами цветов померанца
 были до небес баобабы.

Банан, ананасы. Радостей гряда.
 Вино в запечатанной посуде...
 Но вот, неизвестно зачем и откуда,
 на Перу наперли судьи.

И птиц, и танцы и их перуанок
 кругом обложили статьями.
 Глаза у судьи.—пара жестянок
 мерцает в помойной яме.

Попал павлин оранжево-синий
 под глаз его строгий, как пост,
 и вылинял моментально павлиний
 великолепный хвост.

А возле Перу летали по прерии,
птички такие,—колибри.

Судья поймал, и пух и перья
бедной колибри выбрил.

И нет ни в одной долине ныне
гор, вулканом горящих.

Судья написал на каждой долине:
„Долина для некурящих“.

В бедном Перу стихи мои даже
в запрете под страхом пыток.

Судья сказал: „Те, что в продаже,
тоже спиртный напиток“.

Экватор дрожит от кандалных звонов.

А в Перу бесптичье, безлюдье...

Лишь злобно забилась под своды законов,
живут унылые судьи.

А знаете, все-таки жаль перуанца!—

Зря ему дали галеру.

Судьи мешают и птице и танцу,
и мне, и вам, и Перу.

Бенедикт Лившиц.

* * *

Мы строго блюдем сокровенные заповеди,
Любовный завет,
Когда розовеет и гаснет на западе
Рубиновый свет.

Мы белыми парами всходим по очереди
На башни луны,
И любим в святилищах девственной дочери
Немой вышины.

О, счастье: вступить за черту завоеванного
Последнего сна

И выпить фиал наслажденья любовного
До самого дна!

О, счастье: за ночь под серебрино-матовою
Эгидой луны

Не нужно платить подневольною жатвою,
Как в царстве весны!

О, счастье: лишь прихотям Эроса отданные,
Мы можем, любя,
Как на каменном шаре, как камень бесплодные,—
Сгореть для себя.

К. Д. Бальмонт.

* * *

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.

Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.

Я каждый миг исполнен откровенья—
Всегда пою.

Мою мечту страдания пробудили,
 Но я любим за то.
 Кто равен мне в моей певучей силе?
 Никто, никто!

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
 А если день погас,
 Я буду петь!.. Я буду петь о Солнце
 В предсмертный час!

Ф. И. Тютчев.

(ИЗ УЛАНДА)

О, не кладите меня
 В землю сырую!
 Скройте, заройте меня
 В траву густую.

Пускай дыханье ветерка
 Шевелит травую,
 Свирель поет издалика,
 Светло и тихо облака
 Плынут надо мною.

Ф. И. Тютчев.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
 Нежней мы любим и суеверней...
 Сияй, сияй прощальный свет
 Любви последней, зари вечерней!

Пол-неба охватила тень,—
 Лишь там на западе бродит сиянье...
 Помедли, помедли, вечерний день,
 Продлись, продлись очарованье!

Пускай скудеет в жилах кровь,—
 Но в сердце не скудеет нежность...
 О, ты, последняя любовь!
 Блаженство ты, и безнадежность!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От составителей	3
Отдел первый.—Голоса природы.	
Бальмонт.—Дождь	19
Ив. Коневский.—Тихий дождь	20
Василий Каменский.—Звенит и смеется...	21
Н. М. Языков.—Водопад	22
Ив. Коневский.—Иматра.	23
К. Бальмонт.—Ветер.	23
Вячеслав Иванов.—Трамонтана.	24
Перси Биши Шелли (Пер. К. Бальмонта).—Побег	25
Н. Клюев.—К весне пошло	26
С. Обрадович.—Ткачиха.	27
Василий Казин.—Стучу, стучу я молотком...	28
Н. Власов-Окский.—Кусты.	29
Василий Каменский.—Жить чудесно!	29
К. Бальмонт.—Август.	30
П. Соловьева.—В осеннем саду.	31
Н. Некрасов.—Из поэмы „Мороз Красный-нос“	31
А. Безыменский.—Лыжи.	32
А. Фет.—Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури	34
Отдел второй.—Радость труда.	
Иван Доронин.—Радость труда	37
Вас. Курганов.—Хлеб	41
Василий Казин.—Рубанок.	42
К. Бальмонт.—Кузнец.	43
В. Александровский.—Кузнец	43
Дмитрий Четвериков.—Дровосеки.	44
Василий Казин.—Как я строил дом.	46
Андрей Белый.—На дворе с недавних пор...	47
Отдел третий.—Голоса души.	
А. Крайский.—Мы одно.	51
Владислав Ходасевич.—К Психее	51
М. Голодный.—Разговор со станком	52
В. Маяковский.—Из книги „Флейта позвоночник“	53
Вячеслав Иванов.—Змея.	54
Сергей Нельдихеи.—Средневековье	55

М. А. Кузмин.—Любовь этого лета	56
Андрей Белый.—Калека.	57
Вл. Пяст.—Нет, мне песни иной не запеть...	60
Леонид Борисов.—Неугомонная ночь	61
Вл. Соловьев.—У царицы моей есть высокий дворец...	63
Сергей Малахов.—О партии и любимой.	64
Демьян Бедный.—Работнице	65
С. Обрадович.—Мать	66
Василий Казин.—Дядя или солнце	68
О. Мандельштам.—Выздоровление.	70
С. Есенин.—Все живое особой метой...	71
Н. Оцуп.—Гвоздь	72
Иннокентий Анненский.—Смычок и струны	73
Владислав Ходасевич.—Баллада.	74
Валерий Брюсов.—У земли.	75
С. Есенин.—Эта улица мне знакома...	77
А. Фет.—Измучен жизнью...	78
Ф. И. Тютчев.—Сумерки	79

Отдел четвертый.—Голоса родины.

Александр Блок.—Осенняя воля	83
Н. Клюев.—Придет караван с шафраном...	84
Максимилиан Волошин.—Неопалимая купина	85
Николай Браун.—Россия	87
Андрей Белый.—Россия.	88
Андрей Белый.—Россия	89
Н. Асеев.—Россия издали	90
А. Блок.—Россия.	91
Илья Садофьев.—Не отрекусь	92

Отдел пятый.—Голоса деревни.

Н. Клюев.—Из „Избяных песен“	95
Борис Зубакин.—Комаринская	96
Сергей Городецкий.—Из „Песен об Яриле“	96
Александр Ширяевец.—Из книги „Мужикослов“	98
В. Александровский.—Кузница при дороге	99
Некрасов.—Из поэмы „Мороз Красный-нос“	100
Петр Орешин.—Без царя	102

Отдел шестой.—Голоса города.

Валерий Брюсов.—Конь блед	107
С. Есенин.—Из цикла „Кабанья Москва“	109
В. Александровский.—Вечер	110
Валентин Кривич.—Из поэмы „Карусель“	111

С. Владимиров. — Кондукторша	113
Николай Полетаев. — Песня о соловьях.	115
Василий Казин. — Каменщик	116
Д. Четвериков. — Летний клуб.	117
Д. Туманный. — Субботник	118
С. С. Заяицкий. — Нэпман.	119
Сергей Городецкий. — Шарманка.	120
Александр Блок. — Незнакомка.	121
А. Самобытник. — Детство	123
В. Князев. — Бедные дети столицы	124
В. Князев. — Обводный канал. Песня проститутки	125
В. Князев. — Вторая песнь проститутки	126

Отдел седьмой. — Голоса фабрик и заводов.

А. Маширов (Самобытник) — Машинный рай	129
А. Безыменский. — Я	130
Илья Ионов. — На заводе	132
С. Горбатов. — Гудки	133
Михаил Голодный. — О машине	133
Надежда Павлович. — Работница	134
Сергей Малахов. — Мы	135
С. Обрадович. — Завод	136
Илья Садофьев. — В заводе	138

Отдел восьмой. — Голоса восстаний.

I. Невольничья.

Н. Гумилев. — Абиссинская невольничья песня	141
Н. Тихонов. — Сами.	142

II. Призывы.

Валерий Брюсов. — Из поэмы „Замкнутые“	146
В. Маяковский. — Из поэмы „Война и мир“	148
П. Арский. — Песня динамита	150
Владимир Кириллов. — Железный мессия	151
альмонт. — Скифы	152
А. Блок. — Скифы	153
Н. М. Языков. — Пловец.	155
А. Крайский. — Без остановок	156
Иван Филипченко. — Праздник солнца	158
Н. Семенов. — Дудка	160
В. Александровский. — Дни.	161
А. Безыменский. — Из поэмы „Комсомолия“	162
Владимир Кириллов. — Молодой гвардии	163
С. Третьяков. — Молодая гвардия	164

В. Князев. — Песнь коммуны	166
Н. Асеев. — Кумач	167
А. И. Полежаев. — Песнь пленного ирокезца	169
Сергей Нельдихен. — Орган многоголосый	170
Николай Клюев. — Красная песня.	172
Петр Орешин. — Из поэмы „Микулин ход“	174
В. Маяковский. — Наш марш	175
С. Третьяков. — Комсомол, крепи РКП резервы!	176
Василий Казин. — Рукотворное славословие	177
В. К-ов. — Первомай	178
Мих. Герасимов. — Первое мая	179

III. Шаг революций.

Э. Верхарн (перев. В. Брюсова). — Восстание	181
В. Александровский. — Из поэмы „Восстание“	185
Демьян Бедный. — Главная улица	189
Борис Пастернак. — Матрос в Москве	194

IV. Подвиги.

Н. Асеев. — Из поэмы „Электриада“	197
Николай Клюев. — Матрос	198
В. Маяковский. — Москва — Кенигсберг	199

Отдел девятый. — Голоса истории.

Максимилиан Волошин. — Дметриус император	205
Максимилиан Волошин. — Стенькин суд	208
О. Мандельштам. — Декабрист	211
А. Маширов (Самобытник). — Из поэмы „9 января“	212
„Январский завет“	212
А. Крайский. — 9 января	212
С. Обрадович. — 1905 г.	213
Демьян Бедный. — Лена	214
Вл. Кириллов. — Из поэмы „Семнадцатый год“	215
В. Маяковский. — Из поэмы „Ленин“	218
В. Князев. — Красный петух	221
Илья Садофьев. — Из поэмы „Индустриальная свирель“	222
Н. Тихонов. — Огонь, веревка, пуля и топор...	224
Марина Цветаева. — Ох, грибок, ты мой...	224
Вячеслав Иванов. — Из зимних сонетов	225
А. Маширов (Самобытник). — Будет время...	226
А. Крайский. — Кронштадт	227
С. Обрадович. — Из поэмы „Голод“	228

А. Безыменский.—Партбилет № 224332	229
Эммануил Герман.—Москвы узорчатые чары	230
П. Антокольский.—Последний	231

Отдел десятый.—Сатира и юмор.

В. Князев.—Из требника капиталиста	235
Демьян Бедный.—Птицеловы	236
Жан Жюль (пер. Ю. М. Стеклова).—Дочь рабочего	237
Марсель Легэ (пер. А. В. Луначарского).—Красная мельница	238
В. Маяковский.—О дряни	240
А. Безыменский.—Новь	242
Электрификация.—Разговор в деревне	243
В. Маяковский.—Необычайное приключение	245
В. Маяковский.—Военно-морская любовь	249
Михаил Андреев.—Перевоплощение	250
Бенедикт.—Раз, под вывеской славной „Тарантула“	251

Отдел одиннадцатый.—Частушки.

Частушки—собрано в Переяславле, Залесского у.	255
Частушки—собрал Серафим Огурцов	257
Комсомол в деревне—собрал В. Князев	259
Советский брак—собрал В. Князев	261
Частушки.—Собрал А. Жаров	263
Рабкория.—Собрала В. Кудряшова	267
Владимир Воинов.—Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли	268

Отдел двенадцатый.—Ритмо-песны.

О. Мандельштам.—Сегодня дурной день	273
Валентин Кривич.—Плясовая-смоленская	274
Мих. Артамонов.—Из полевых песен	277
М. Артамонов.—Повесенница	279
Василий Каменский.—„Русский звенидень“	281
И. Анненский.—Колокольчики	282
М. Кузмин.—Из александрийских песен	284
Вячеслав Иванов.—Мэнада	285
В. Маяковский.—Гимн судье	287
Бенедикт Лившиц.—Мы строго блюдем сокровен- ные заповеди...	288
К. Д. Бальмонт.—Я в этот мир пришел	289
Ф. И. Тютчев.—Из Уланда	290
Ф. И. Тютчев.—Последняя любовь	290